

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Ольги Громыко,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Тетралогия
«Профессия: ведьма»

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ

ВЕРНЫЕ ВРАГИ
ЦВЕТOK КАМАЛЕЙНИКА
БЕЛОРСКИЕ ХРОНИКИ
ГОД КРЫСЫ. ВИДУНЬЯ
ГОД КРЫСЫ. ПУТНИЦА
КОСМОЭКОЛУХИ
КОСМОПСИХОЛУХИ

(в двух томах)

КОСМОТЕХНОЛУХИ

(в двух томах)

КОСМОЛУХИ: ДО, МЕЖДУ, ПОСЛЕ

КОСМОЛУХИ: РЯДОМ

(в двух томах)

КРЫСЯВКИ

Крысиное житие в байках и картинках

В соавторстве с Андреем Улановым

ПЛЮС НА МИНУС

КОСМОБИОЛУХИ

Ольга ГРОМЫКО

**ГОД КРЫСЫ.
ПУТНИЦА**

Роман

Москва, 2018

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Серия основана в 2004 году
Выпуск 309

Художник
Е. Беспалова

Громько О.

Г87 Год Крысы. Путница: Фантастический роман.—М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018.— 506 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-0627-2

Альк, Рыска и Жар продолжают свой нелегкий путь: кто желает убежать от прошлого, кто — изменить будущее, а кто рад и настоящему, но судьба неумолимо гонит всех дальше. Туго приходится не только неунывающей троице: тучи стущаются над обоими царствами, год Крысы неумолимо набирает силу и избежать его, похоже, уже невозможно.

Куда придет Путница? Кому осветит дорогу Свеча? И, казалось бы, при чем тут гитара?

Читайте — и узнаете.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ольга Громько, 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010

ISBN 978-5-9922-0627-2

Горячие авторские благодарности:
злокозненному Сашию — за отгнетение Хольгиной добродетели;
Михаилу Черниховскому — за косы, сабли, полотенца и прочие
ночные безобразия;
Андрею Уланову — за мужскую солидарность;
Елене Беспаловой — за черно-белое и цветное;
Анне Полянской — за моральную и техническую поддержку;
а также Фальку, Рыске, Паське, Весте и Фуджи за бесценное на-
глядное пособие!

При написании этой книги не пострадало ни одного шипонского зайца — только нервы заводчика-консультанта Нилы Лозовенко-Урсу.

В паутине судеб нет ни одной лишней нити, даже самая узкая тропка к чему-то ведет. И только Хольге известно, сколько раз мир оказывался на краю гибели из-за одного взмаха крысиного хвоста — и сколько раз бывал спасен им.

Богоспись, глава 23

ГЛАВА 1

В одиночестве крыса тоскует и чахнет.

*Трактат «О тварях земных,
водных и небесных»*

Бабка Шула ушла на небесные дороги ночью, во сне, и обнаружила ее соседка, заглянувшая одолжить чашку муки. Старушка лежала бледная и хладная, с вытянутыми поверх одеяла руками, и вид у нее отчего-то был очень довольный: не то сама Хольга сподобилась проводить, не то открывшееся перед смертью будущее (ведь по ту сторону времени нет, вся паутина судеб как на ладони) до того Шуле не понравилось, что она с радостью променяла его на Вечный Дом.

Соседка подняла крик, набежали бабки-подружки и деловито заголосили, вмиг разнеся скорбную весть по веске. Не прошло и пяти лучин, как чистенькая переодетая покойница лежала в вытащенном с чердака и протертом от паутины гробу, а узелок с «могильными» сбережениями был передан Цыке и Миху, взявшимся выкопать могилу и сколотить надгробную клеть. Молец, которому тоже кой-чего перепало, благоговейно начи-

шал песочком статую Богини, дабы на отпевании и Шуле было приятно, и Хольге не стыдно. По веске пошел запах творожных лепешек, главного угощения за поминальным столом. Каждая хозяйка норовила расстараться, чтобы гости налегали именно на ее кушанье: по поверью, с творожниками-дорожниками из избы уходили мелкие беды — чем больше съедят, тем больше уйдет. Сыпали в тесто и мак, и сушеные сливы, и виноград, и даже медьки в середку запихивали, кто побогаче. Не у всех, конечно, такое объедение выходило — теми, что Колай принес, впору гвозди заколачивать, — но покойной все равно почет. В веске-то почти все друг другу родня, даже Сурок на похороны собирался, хоть и не мог припомнить, в каком колене Шула ему теткой приходилась.

К полудню худо-бедно управились и столпились у осиротевшего бабкиного дома. Это пущай савряне своих покойников по двое суток в избах держат, мертвечиной дышат. А нам-то чего ждать? Душа с последним вздохом отлетела, ну так и тело надо поскорей прибрать, дабы кто другой, недобрый, в него не залез. У белоколых, говорят, из-за их дурацких обычаев беспокойники наравне с живыми ходят, и не отличишь, покуда смердеть не начнут.

Ближе к крылечку стояли беременная Фесся и две весчанки с младенцами на руках: считалось, что пронесенный мимо покойник забирает с собой золотуху, ночные крикухи и прочие детские хвори. Рядом толпились мальчишки с мешочками толченой горчицы; ее пустят в ход лишь на обратном пути, но похороны для весковой детворы тот же праздник: тут тебе и гулянье, и угощение, и песни. Разве что смеяться нельзя, поэтому мальчишки только пихали друг друга локтями и перемигивались.

Последними вернулись с жальника потные, перепачканные землей батраки. Рубахи у обоих были обвязаны вокруг пояса, рожи красные от усталости, и бабки сердито зашикали: что за непотребство перед ликом смерти, а ну живо ополоснитесь и оденьтесь! С хозяина своего пример берите: во всем чистом, хоть самого хорони, и в глазах скорбь вселенская...

Вид у хуторянина действительно был печальный донельзя. От сделки, которая могла принести ему сто златов навару — или разорить на триста, — пришлось скрепя сердце и скрипя зубами отказаться. Никакого обеспечения у Суркова подельника не было — только рискованый план, такой дерзкий, что мог бы сработать. Но подписываться на него без одобрения видуньи хуторянин не отважился (таких дураков, чтоб за сотню в омут с

головой кидаться, во всем Ринтаре едва ль пара штук найдется!). С путником советоваться тоже не хотелось — дельце-то не слишком законное, как бы наместнику не донес. Так что оставалось только мрачно сопеть, в ожидании выноса бабкиного тела подсчитывая упущенные барыши.

Но интересно, куда же подевалась эта негодная девчонка?!

* * *

Ночью Жар спер у цыган гитару, за что теперь получал жуткий разнос. Причем цыгане уехали еще затемно, и догонять их с извинениями, как настаивала Рыска, было поздно. Пришлось двигаться своей дорогой, изнемогая под гнетом совести, которой у девушки, как всегда, хватало на троих.

— Вот скажи,— кипятилась она, неосознанно попинывая Милку в бока, отчего корова все ускоряла и ускоряла шаг, в конце концов перейдя на рысь,— зачем она тебе вообще понадобилась?!

Вор и сам не очень хорошо это понимал и лишь виновато разводил руками. Незамысловато щипать струны он умел, однако на кой гитара в дороге, если ты не менестрель? Только по спине лупит и бренькает некстати.

Цыгане подвернулись им днем — друзья проезжали мимо табора, когда тот начал сниматься с места, и трех всадников буквально засосало в пеструю круговерть. Смуглые белозубые женщины окружили Рыску, широко улыбаясь и треща на непонятном языке, будто стая сорок. Девушка испуганно прижала к груди узел с деньгами, впервые жалея, что за пазухой нет сторожевого крыса. Впрочем, цыганки вовсе не собирались ее обворовывать: их забавляла растерянная, густо покрасневшая весчанка на пестрой, как лоскутное одеяло, корове.

— Э-э-э, красавица! — нараспев проговорила пожилая, но одетая ярче молодок женщина, звеня низкими браслетов на гибких и проворных, будто змеи, руках.— Зачем глаза прячешь? Они же у тебя особенные, счастье приносят! Что, не веришь? Точно говорю! На кого из парней посмотрят — тот и счастлив! Хочешь, погадаю, кому повезет?

Рыска, и без того сразу потупившаяся, зажмурилась и отчаянно замотала головой. Цыганки еще немного повеселились и оставили ее в покое, успев воткнуть в волосы над ухом желтый махровый цветок (девушка обнаружила его только утром, мятый и увядший).

Зато Жар сразу нашел общий язык с цыганским вожаком, смуглым кудрявым молодцем в броской синей рубаше и штанах такой необъятной ширины, будто их пошили из двух юбок. Четыре лучины свежее испеченные друзья ехали рядом, оживленно обсуждая, как лучше красить коров (на наивный Рыскин вопрос, зачем это вообще надо, оба обидно расхохотались), а на вечернем привале перешли от слов к делу, осуществив давнюю мечту Сурка: сделали Милку сплошь черной. В таком виде корова казалась намного стройней и свирепей, хотя глаза у нее выпучивались не от ярости, а от изумления.

Разницы между левой стороной (красил Жар) и правой (работа цыгана) Рыска не заметила, но в светлых штанах на Милку теперь лучше было не садиться.

— А если она под дождь попадет?

Цыган гнусно захихикал и сказал, что главное — чтобы дождь не пришелся на базарный день. После чего Жар отправился с ним к костру обмывать результат, а проснулся с гитарой, трепетно прижатой к груди под покрывалом.

Видя, что увещевания тут бессильны, Рыска прибегла к запрещенному приему:

— Альк! Ну скажи ему!

Но белокопый лишь pokrивился и вообще отвернулся к обочине, будто не слышал. Поведение саврянина беспокоило девушку все больше и больше. Во-первых, за минувшие три дня спутники слышали от него едва ли полсотни слов, и те по крайней необходимости. На попытки вовлечь его в дорожный треп Альк коротко огрызнулся или, как сейчас, отмалчивался. Во-вторых...

— О, смотрите, кормильня! — попытался сменить тему Жар. — Может, по пиву?

— Не хочу, — сухо и предсказуемо отрезал Альк.

Рыска подавила огорченный вздох: со времени разговора с отшельником проклятый саврянин ничего не жрал. Уговаривать девушка не решалась: в конце концов, взрослый здоровый мужик, не пичкать же его с ложечки под сказочки, как капризного ребенка.

— Верно, без еды человек может прожить месяц, — ехидно напомнил Жар Альку его же слова. — А раз так, чего ее зря переводить?

Саврянин опять промолчал, и Рыске захотелось его стукнуть, чтобы хоть как-то расшевелить.

В кормильню все-таки зашли и пива взяли. Жар заказал себе

сразу две кружки — до конца весны оставалась еще неделя, но солнце припекало уже по-летнему, — однако девчонка-служанка, не разобравшись, разнесла их по концам стола. Алык машинально взял «свою», отхлебнул.

— Могли б и до Зайцеграда потерпеть, — недовольно заметил он. — Несколько лучин осталось.

— А ты этого Матюху знаешь? — В ожидании заказанной каши Рыска таскала бесплатные черные сухарики из стоящей посреди стола миски. Судя по слою крошек на ее дне, посудину не вытряхивали и не мыли уже месяц. Но за дорогу девушка успела привыкнуть к кормильням и подаваемой там еде, не требуя от нее слишком многого. Зато самой готовить не надо. — Ну к которому расписка?

— Найду. — Алык тоже взял пару сухариков, но этим его завтрак и ограничился. Даже пиво не допил, сделал еще пару глотков и отставил, ожидая, когда спутники управятся с едой.

Жар с сожалением косился на кружку саврянина. За другом вор не погнушался бы, допил, а тут как бы не отравиться после этого гада. Все добрые чувства вроде сострадания и желания помочь отлетали от белокосого, как сухой горох от стены. Алык, похоже, нарочно делал все, чтобы за его гробом шли только падальщики.

* * *

Процессия повернула обратно. Бабы уже не выли, а всхлипывали и с чувством выполненного долга сморкались в узкие белые полотенца, висящие на шеях. Замыкающие цепь мальчишки горстями расшвыривали горчицу, чтоб за людьми не увязалась смерть с жальника. Ветер, как назло, дул в спины, и все хоть по разу да чихнули. У головы Приболотья нос вообще не просыхал: он шел прямо перед детьми.

А у весковых ворот стояли гости — пятеро на коровах, один на нетопыре. Створки были распахнуты, но пришельцы вежливо остановились в нескольких шагах, ожидая приглашения. Не разбойники, отлегло от сердца у головы. Весчане все равно насторожились, передние притормозили, задние надали, и цепь сжалась в кучу.

— Здорово, любезные! — весело окликнул один из гостей. Эй, да это ж тсарский гонец — в новом красном кафтане, бороду отпустил, только по голосу и признали. — Где это вы ходите? Праздник какой? Сдобой за три вешки несет, а веску как вымело...

— Не...— Голова подошел поближе, ответил на рукопожатие.— Бабка у нас померла. Древняя, но славная. Хоронить ходили.

— Ох, сочувствую,— согнал улыбку гонец.— Пусть Хольга даст ей прямую дорогу и уютный Дом.

— Богиня милостива,— эхом откликнулись сразу несколько человек.

Гостей по-прежнему разглядывали с подозрением: четверо тсецов (не охранники, а именно из рати, это гонец при них для пущей важности) и незнакомый путник, совсем молодой парень с надменным и недовольным лицом. Как же, целую лучину торчать под забором, ожидая каких-то там весчан! «Ничего,— зло-радно подумал голова,— заплатили, так стой. Знаем мы, сколько путники за свои услуги берут. Простому человеку за их дневную плату целый месяц пахать не зазорно». Вслух же приветливо сказал:

— Пожалуйте за стол поминальный, проводим старушку как должно.

Отказываться было неудобно, хоть и на службе. Гости вместе со всеми прошли к бабкиному дому и расселись за вынесенными во двор столами, благо вечер был тихий и теплый. Женщины быстренько притащили и расставили накрытые черными платками блюда, кувшины с крепким, до щекотки на языке, квасом и старые глиняные кружки со щербинами, а то и трещинами. Похороны — самое время от всего отжившего избавиться.

Изголодавшиеся тсецы набросились на угощение, словно бабка Шула приходилась им родной матерью. Гонец тоже с удовольствием «заедал слезу», а вот путника веское гостеприимство заметно коробило. Видать, только-только из Пристани выпорхнул, а ему вместо подвигов и славы — пыльные дороги захолустья. Голова тайно ухмыльнулся. Терпи, крысенок! Настоящее дело еще заслужить надо.

Вначале за столами говорили только о покойнице, состязаясь, кто вспомнит о ней больше хорошего, потом посудачили о тщете сущего и божьей воле, а там как-то незаметно перешли на дела земные, привычные. Женщины затянули жалостливую песню, дети украдкой швырялись кусочками лепешек, лавочник шепотом травил кузнецу свежую байку про соседку.

Голова все выразительнее косился на гостей.

Гонец пощупал зуб, неосмотрительно покусившийся на Колаев творожник, и с болезненным видом пощуптил:

— А мы уж при виде пустых дворов подумали, что вы нас за-
видели и сбежали!

— Чего нам от вас бегать? — удивился и одновременно насто-
рожился весчанин. — Чай, не саврянское войско... Или опять
дурную весть привез?

— Да нет, что ты, — поспешил заверить гость. — Так... не шиб-
ко приятную. Сейчас, погоди, грамоту достану...

— Давай на словах сначала, мне на ухо, — остановил его голо-
ва. Читать тсарский приказ за поминальным столом было как-то
неловко — хотя бабка Шула, наверное, не обиделась бы. Без нее
ни одно вече не обходилось.

Гонец понимающе кивнул, убрал руку от пазухи и наклонил-
ся к весчанину:

— Тсарь городские стены укреплять желает. Требуется от каж-
дой вески по три человека и телегу с коровой.

— Что, насовсем?! — охнул голова.

— Не, в грамоте прописано — только на лето, — поспешил ус-
покоить гонец. — Ну помнишь, в том месяце военный налог со-
бирали?

— Такое забудешь... — проворчал весчанин. — Чего ему, горо-
жан мало?

— Выходит, мало, — развел руками гость. — В Макополе из
четырёх сторожевых башен одна до сих пор в руинах лежит.

— Ну и что? Полежала б еще чуток.

— А вдруг война? — припугнул сидящий рядом тсец.

— А чего, все-таки будет?! — насторожился голова.

Другой ратник ткнул болтливого собрата локтем и веско ска-
зал:

— Еж лисицу раз в месяц видит, а колючки каждый день но-
сит. Вот и нам всегда готовыми быть надобно.

— А телега зачем?

— В обоз, камни и бревна возить. Можно старую, некази-
стую, лишь бы крепкая была.

Голова нахмурился. Не было печали! Летом в веске работы с
зари до зари, а тут тсарь со своими стройками. Хорошо хоть от-
сеяться дал. Но если задержит мужиков до зимы, кто урожай со-
бирать будет? Дрова запасть? В большинстве дворов только
один кормилец, а где два-три, там и нахлебников о-го-го: дети
мелкие, старики. Поможем, конечно, всем миром, но тяжковато
придется...

— Жребий киньте, — посоветовал гонец. — Так оно честнее
всего выйдет.

— Да уж разберемся, — в сердцах огрызнулся весчанин, хоть сердиться на царского посланника и не полагалось. Знали бы — точно на жальнике отсиделись бы! Даже переночевали.

Голова встал, по обычаю грохнул об землю кружку. Та, зараза, не разбилась, а подскочила и закатилась под стол. Дурной знак...

— Хольга прислала — Хольга призвала, — громко объявил он. — Пусть тебе, бабушка Шула, в небесном Доме будет лучше, чем в земном, а мы уж тебя не забудем и попозже непременно в гости зайдем.

Вслед за ним стали подниматься остальные весчане.

Голова выждал, пока не разлетится вдребезги последняя кружка, и сумрачно продолжил:

— А покуда пошли к молельне, совещаться будем...

* * *

Первым его заметил Жар. А может, и Альк — но оставил это неприятное открытие вору. Случайно обернувшись, тот аж подскочил в седле:

— За нами путник едет!

Саврянин лишь глаза сузил, даже не удосужившись посмотреть назад. Рыска же чуть с коровы не свалилась, выворачивая шею. Конечно, путником на дороге никого не удивить, но когда совесть нечиста...

Время шло, человек на нетопыре не приближался и не удалялся. Когда дорога шла в гору, его удавалось рассмотреть по-лучше: едет — не торопится, развалился в седле и вроде как даже подремывает. За холмом или леском всадник скрывался из виду, но потом непременно появлялся снова.

— Может, ему просто в ту же сторону? — с надеждой предположила девушка.

Жар вместо ответа подхлестнул корову. Щепок десять они мчались галопом, затем вернулись к шагу и с пол-лучины путника не видели.

Потом он появился снова, на том же расстоянии.

Больше обсуждать его не пытались. Только постоянно косились назад и друг на друга.

— Нет, это уже переходит всякие границы! — внезапно разъярился Альк, так натягивая поводья, что бедная корова чуть пополам не сложилась. — Еще издеваться он надо мной будет, старый ублюдок!

— Ты его знаешь? — уточнил Жар.

— Ха! — Саврянин резко дернул за повод, разворачивая Смерть.— Очень удивлюсь, если это окажется кто-то другой.

— А чего ему от нас надо?!

— Вот сейчас и спросим!

Когда коровы проскакали полпути (Жар с Рыской благоразумно держались позади Алька), преследователь остановился и, выпрямившись, стал спокойно их поджидать. Он оказался ринтарцем, мужчиной лет сорока пяти — пятидесяти, с почти полностью поседевшей головой и аккуратной, на удивление черной бородкой. Одежда, как сразу оценил вор, была пошита на заказ и стоила не меньше десяти сребров, хотя выглядела неброско и практично. О цене висящего при поясе меча оставалось только гадать, но одна рукоять тянула на пару златов. Нетопырь был старенький, тоже с проседью по хребту и многочисленными проплешинами — но не от возраста, а из-за шрамов. Похоже, жевотина прошла со своим хозяином огонь, воду и крысиные норы.

— Ну здравствуй, что ли,— усмехнулся путник, глядя на Алька.

Саврянин, не отвечая, молча объехал его по кругу, недвусмысленно выражая свое отношение и одновременно изучая противника.

— Неужто не рад меня видеть?

— Нет,— наконец соизволил разлепить губы белокопый, и слово вышло как плевок.

— А я вот, напротив,— очень рад.— Судя по тону, путник не кривил душой и не иронизировал. Да и смотрел дружелюбно, тоже оценивая Алька, но скорее с отцовской гордостью.

— Еще скажи, что община послала тебя передать мне свои извинения и позвать обратно в Пристань,— презрительно бросил саврянин.

— Нет,— даже не попытался юлить путник.— Мне поручили тебя убить. Точнее, я сам вызвался.

— Ну попробуй,— криво ухмыльнулся белокопый. Правая рука у него уже давно лежала на оголовье меча и сейчас лишь стиснула пальцы.

— Не хочу,— рассеянно, как от чего-то маловажного, отмахнулся путник.— Не сейчас. Альк, мне надо с тобой поговорить.

— Не хочу,— оскалился тот.

— Даже не хочешь узнать о чем?

— У нас было семь лет, чтобы наговориться всласть.

— Ты и тогда пропускал мимо ушей то, что не желал слушать, — с укоризной заметил путник.

— Лучше бы я пропускал еще больше.

— Вот упрямец! — добродушно, хоть и с досадой посетовал странный тип. — Я же хочу тебе по...

— Значит, не сейчас? — зло перебил его саврянин. — Тогда отлипни от моей подошвы!

— Альк...

Но белокопый уже развернул корову, и Жару с Рыской пришлось сделать то же самое, так ничего и не поняв.

Догонять их путник не стал, только вздохнул вслед и головой неодобрительно покачал. Однако никто не сомневался, что так просто он не отвяжется.

* * *

Благостная улыбка покойницы припомнилась сегодня многим весчанам. Особенно когда до жеребьевки дошло. Голова сам нарвал листьев с простой и рыбьей ветлы, смешал в глубокой шапке. По виду одинаковые, по весу вроде тоже, только вторые сразу тонут.

Принесли корчагу с водой, установили посреди двора. Самую большую, чтоб всем видно было: без обмана.

— Ну что, люди добрые, тяните...

Освободили от этой чести только голову, кузнеца, мельника да лавочника, потому как без них Приболотью убыток больший, чем если бы все остальные мужики в город уехали. Трое счастливиц, надув щеки, гордо расхаживали среди мнущихся у шапки одновесчан, упиваясь своей значимостью (ну и облегчение немалое, конечно!). Голова все равно был мрачен: овца только о своем ягненке думает, а пастух обо всем стаде. А как же общинное поле? И пруд собирались вырыть, сазанов запустить... Эх! Хоть бы жребий на какого-нибудь лентяя пал, вроде дядьки Хвеля — до обеда под яблоней дрыхнет, а после обеда на другую сторону ствола переходит, куда тень уползла. Другое дело, что он и тсарю не больно нужен, разгневается еще за такой «подарочек»...

Гонец и тсецы околачивались неподалеку, но к корчаге не подходили, чуя, что на них и так злы. Путник вообще куда-то исчез — небось к речке купаться поехал, весковий дух смывать.

— Давайте-давайте, — поторопил голова. — Ждете, покуда завянут? Колай, тяни!

— А чего сразу я? — возмутился тот, пряча руки за спину. — Пущай Ледок тянет, он ближе стоит!

— А чего я?! — Высокий тощий мужик попятился, мигом став дальше.

— Тяни,— устало повторил голова, сунув шапку Колаю под самый нос. — Первым, последним — все равно от судьбы не уйти.

Отступить было поздно и некуда: сзади сопели и подпирали так, что хоть целиком в шапку нырни. Колай медленно вытащил потную ладонь, обтер о штаны. Потянулся к шапке — но с полпути отдернул, вытер еще раз. Вокруг нервно захихикали.

Со второго раза мужик донес-таки руку, запустил. Листья были гладкие и прохладные, с мелко иззубренными краями. Черешки колкими клювиками тыкались в пальцы: возьми меня! Нет, меня!

— Хорош мять! — не выдержал голова. — Поди, не девку под одеялом лапаешь. Доставай.

Колай убедился, что щупать бесполезно, зажмурился и обреченно вытащил из шапки свой жребий.

Толпа разом перевела взгляды на корчагу и затаила дыхание. Оттертый в задние ряды углежог — плечистый, но низкорослый — посадил на плечи сынишку, чтобы тот докладывал.

— Бросай,— терпеливо напомнил голова.

Листок, крутясь, упал в корчагу. Полежал-полежал на задрожавшей воде, будто размышляя, а потом — хоп! — стал на ребро, и ко дну. Завис у него, как рыбка, превратился в тоненькую, почти невидимую сверху черточку.

— Утоп! — звонко сообщил углежогов сын.

По толпе прокатился потрясенный стон. Никто не ожидал, что первый неудачник определится так скоро.

Колай тупо хлопал глазами, сообразив, что произошло, только когда запрочитала жена.

— Это все ты сглазил! — в сердцах напустился он на голову. — Заладил: тяни, тяни... Знал же, что торопливого Саший под локоть толкает!

— А трусливого в зад кусает,— продолжил лавочник под общий одобрительный хохот. Один дурной лист из шапки выбыл, чего ж не посмеяться?

— Кто трус?! Я трус?! — Колай сделал вид, что закатывает рукава, но щуплый одновесчанин и бровью не повел.

— Ох-ох-ох, нашелся вояка! Да ты только девчонку свою колотить и отваживался, и то покуда она видуньей не стала.

— А вот давай проверим! — хорохорился Колай, приплясывая на месте, будто угли под лаптями рассыпаны.

— Ну давай!

— Иди сюда, я тебе щас покажу ясно солнышко!

— Да я и так напротив тебя стою, куда уж ближе? Самому, что ли, о твой кулак бородой хряпнуться? — Лавочник задрал голову, подставляясь, еще и пальцем показал.

— Тихо! — гаркнул голова так, что листья в шапке взвихрились.— Уймись, Колай. Не конец света, поработаешь на тсаря и вернешься. А тебе, сосед, стыдно должно быть: сам не рискуешь, а над другими потешаешься... Ну, кто следующий?

На сей раз заминки не возникло: курица за одно утро дважды не несется, вытянуть вторую «рыбку» кряду шанс невелик. Так и вышло. Остались в веске и Ледок, и углежог, и — эх! — дядька Хвель.

Хуторских пустили к корчаге последними. Те не особо и рвались в надежде, что всю гадость выберут до них, но увы: оба нехороших листа остались в кучке втрое меньше изначальной.

У Миха листик потонул, а у Цыки поплыл. Фесся, не сдержавшись, бросилась мужу на шею и разрыдалась от радости. Тот неловко похлопал ее по спине, смущенно косясь на приятелей: мол, что с беременной бабы взять, по любой ерунде ревет.

Чернобородый же отнесся к проигрышу на удивление спокойно.

— Ну и ладно, — погудел он.— Хоть свет погляжу, а то уже мхом на этом хуторе оброс.

— Поглядишь, как же, — мрачно проворчал кто-то из мужиков.— Запихнут в каменоломню, еще и к тачке привяжут, чтоб не утёк...

— Кто там каркает? — сурово огляделся голова.— Щас второй раз тянуть будет!

«Ворон» примолк. Жеребьевка продолжилась, но у Сашия сегодня было шутовское настроение. Листья исправно пускались вплавь, пока в шапке не остался один. Тот самый.

— Кто еще не брал? — заозирался голова. Что за ерунда? Неужто обсчитался и придется перетягивать? В толпе вспыхнули споры: а ты тянул? А сам-то?! Поймать на вранье никого не удалось: у каждого нашлись свидетели, переживавшие по поводу его жребия.

— Вон кто! — звонко заложил углежогов «дозорный», показывая куда-то вдаль. Люди разом обернулись — и увидели Сурка, неспешно идущего со стороны речки. Рядом ехал на нетопы-

ре путник, слегка подобревший: не иначе, хуторянин раскошел-
лился на какой-то вопрос — а то и десяток, чтобы скрыть тот, что
по-настоящему его волновал.

Сурук тоже был весел: видать, ответ ему угодил.

— Ну как, общество? — окликнул он. — Отжеребылись уже?
Все смотрели на него и молчали.

ГЛАВА 2

Крысиные драки могут быть и бескровными, но оттого
не менее жестокими: нападающий вздыбливает шерсть и,
щелкая зубами, начинает кружить вокруг более слабой кры-
сы, запугивая ее своими размерами и яростью. Это может
длиться несколько лучин, пока жертва не погибнет от раз-
рыва сердца.

Там же

— Объяснишь ты нам наконец, кто это был?! — настойчиво,
но пока безрезультатно допытывался Жар. Тащить на хвосте не-
понятно кого, которому непонятно чего нужно, вору ну очень не
нравилось.

— Старый знакомый. — Альк сосредоточенно о чем-то раз-
мышлял, уставившись на коровью холку. Желтые глаза то при-
щуривались, то начинали быстро-быстро двигаться, словно пе-
ред ними мелькали какие-то картины.

— Да мы заметили, что не молодой чужак! Кто он?

— Путник.

— Я имею в виду — тебе он кто?

— Старый знакомый.

Рыска засомневалась, что саврянин вообще слышит вора.
У нее уже язык чесался задать Альку какой-нибудь посторон-
ний вопрос вроде «а кто это там по небу летит?», но тут савря-
нин тряхнул головой и выпрямился, видимо приняв какое-то
решение.

— Не дергайся, тебя он не тронет. Если сам не полезешь.

— А Рыску?

— Если сама не захочет.

— Вот еще, — возмутилась девушка. — Он мне совсем не нра-
вится, и старый к тому же!

Альк фыркнул:

— Дура, в этом смысле ты его не интересуешь.

— А в каком?

— Ты его внимательно рассмотрела?

— Ну... да,— неуверенно подтвердила Рыска.

— Ну вот.— Похоже, саврянин задался целью напоследок довести спутников до белого каления.

Девушка обиделась и от Алька отвернулась. Примерно с тем же успехом можно было отступать с поля боя, пытаясь изобразить спиной, что единственная причина этого маневра — презрение к противнику. Жар еще немного побранился и тоже замолчал. Ладно, вон уже город виднеется, а там они с крысой расстанутся навсегда — и заодно с путником. Не разорвется же он на двое.

Въездная пошлина оказалась выше, чем в Макополе, как и стены, ворота и сами стражники. Пожалуй, одному из них даже Альк уступал, а по весу так и обоим.

— Зайцы есть? — сурово спросил великан.

— Нет,— растерялась Рыска.— А надо?

Стражники расхохотались, будто услышали хорошую шутку.

— Жалко, а то мы зайцев любим! Ну да ладно, проезжайте так.

Девушка недоуменно наморщила лобик, чем развеселила их еще больше. Вслед еще долго летел смачный гогот.

— Хорошо хоть обыскивать не стали,— вздохнул Жар, стягивая шапку и обтирая лоб обшлагом кафтана.

— А у нас есть что скрывать? — подозрительно покосилась на него подруга.

— Ну как же — деньги! — с излишней, на Рыскин взгляд, горячностью напомнил вор.— Придерутся еще, откуда у весчанки златы...

— Да там всего один с мелочью остался, на троих-то...— Девушка осеклась, заметив понимающую ухмылочку Алька, обращенную к Жару. Вор, что еще страннее, покраснел, захлопнул рот и нахлобучил шапку по самые брови.

— Ладно, забудь,— пробормотал он.— Это у меня так, привычка... не люблю стражу.

Рыска думала, что городом ее уже не удивить, но Зайцеград отличался от Макополя, как веска от хутора. Крыши и сами дома тут были ярко-рыжими по-настоящему, без крашеной соломы,— глины в округе хватало. Весело зеленели деревья, редкие, но оттого высокие и раскидистые. Ветер привольно гулял по широким улицам, выметая с них спертый городской дух. К

тому же наместник обязал горожан держать в чистоте не только пороги, но и кусок улицы по ширине дома, чем сделал общину мусорщиков едва ли не самой уважаемой в городе. Ежедневно оттирать мостовую от коровьего навоза мало кому хотелось, проще всей улицей скинуться и уборщика нанять. А чуть заартачишься с платой — бросит метлу и уйдет задрав нос. Еще и сам стражникам наябедничает, гад, что там-то грязь развели. А те легки на подъем, страх сказать: даже за политую мужиком стенку штраф дерут. Нужду полагалось справлять в горшки и не выплескивать оные в окна, а идти до ближайшей сточной канавы. Поговаривали, что скоро и харкать на площадях запретят, вот ужас-то!

Жить в Зайцеграде с непривычки было неуютно и боязно. Но местные ничего, как-то приноровились.

— Что, нравится? — теребил Жар Рыску, видя, с каким детским восторгом подруга озирается по сторонам. — То-то же! А то заладила: озеро, озеро... Давай тут домишко снимем, а?

— Давай вначале с Альком разберемся, — осторожно начала де-вушка.

— С собой я как-нибудь сам разберусь, — огрызнулся саврянин. — Купца ищите.

— Мы?!

— Это же у вас к нему расписка.

— Но ты обещал, что купец нам по ней выплатит!

— А искать его — не подряжался.

— Саший с ним, — хмуро сказал Жар. — Сами найдем. Заедем в центр, где лавки, и спросим. Этот Матюха — он хоть по какой части? Меха, посуда, коровы, оружие?

— Понятия не имею, — с нескрываемым злорадством сообщил Альк.

Окончательно махнув рукой на саврянина, друзья продолжили путь, рассчитывая, что такая широкая и добротнo вымощенная дорога непременно выведет к площади. Альк тенью ехал следом — и на том спасибо.

Чем дальше, темлюднее и шумнее становилось на улицах. Впереди, сразу из нескольких мест, начала доноситься музыка, на ветвях деревьев, шпильях домов — и просто вывешенные из окон — развевались длинные узкие флаги. Пробежала собачонка, по виду бродячая, страхолюдная и облезлая, но украшенная аж двумя бантами — на шее и хвосте.

— Ой, да у них, похоже, праздник! — сообщила Рыска. — То-то стражники веселые такие.

Тут как раз и площадь показалась — прорезалась между домами, будто кулек с разноцветным бисером по шву треснул. Ох, сколько людей! Как Альк когда-то пошутил: впору друг у друга на головах сидеть. Даже не на сотни — на тысячи счет, и все это непрестанно бурлит, клоочет, перемешивается, как суп в котле!

Рыска натянула поводья, не решаясь окунуться в площадное варево. Альк нагнал ее и остановился рядом, тоже осматриваясь. На помосте для казней разыгрывали какое-то представление. Виселица была увита цветами и ветками, палаческая колода изображала то царский трон, то корову для отважного героя, то — в компании с огромным фальшивым топором — саму себя. По краям площади, на трех возвышениях поменьше, похлипче, наскоро сколоченных накануне, тоже выступали лицедеи: ярко разодетые девушка с жалейкой и парень с дудуком, наигрывающие грустную и одновременно бойкую мелодию; крутящийся волчком акробат-жонглер и пожилой благообразный мужчина, который просто стоял и что-то рассказывал. У каждой лавчонки, да что там — вынесенного на площадь лотка с безделушками толпилось столько народу, что к ним протолкаться-то невозможно было, не то что о купце расспросить.

— Да-а-а,— растерянно протянул Жар, выехавший было вперед, но быстро вернувшийся к подруге и саврянину,— сыщи горошину в мешке чечевицы... Придется ждать, покуда гулянье схлынет.

Рыску это вовсе не огорчило. Вокруг было столько интересного, что расписка вполне могла подождать лучинку-другую. Альк тоже, похоже, никуда не торопился. Может, неожиданно подумалось девушке, он потому и отказался искать купца, что оттягивает миг расставания? Куда ему теперь идти, с кем? А если он снова в крысу превратится?! За последние три дня такого, правда, не случалось, но это только усиливало напряженное ожидание.

В обтекающем всадников людском потоке ловко пробиралась толстая опрятная тетка с лотком пирогов.

— С мясом, горохом, капустой, картошкой, яблоками! — Луженой глотке торговли впору было позавидовать: голосила она и на вдохе и на выдохе, прерываясь только на расчеты с покупателями. Впрочем, тогда тетка тоже не молчала, расхваливая свой товар и обещая едокам неслыханное наслаждение.— Сытные, червячные и на крышечку!

— Это как? — удивилась девушка.

— По величине,— пояснил Жар, привычный к городским лошадкам и их меркам. В Макополе, правда, говорили не «на крышечку», а «в довесок», но смысл тот же.— Вон те большие — сытные, от пуза наестся, поменьше — червячка заморить, ну и самые маленькие — полакомиться после обеда. Хочешь?

Девушка задумалась. Пожалуй, маленький с яблочками влез бы, ишь как пахнут, небось горячие еще...

— Дай пару монет,— неожиданно попросил Альк и одновременно протянул руку, не допуская мысли об отказе. Застигнутая врасплох Рыска действительно положила в нее несколько медек, спохватившись, только когда саврянин сжал ладонь.

— Зачем?

— Эй, тетка! — окликнул Альк, свесившись с седла.— Подай-ка сытный с мясом.

Рыска ошеломленно глядела, как саврянин кидает торговке монету и жадно впивается зубами в длинный поджаристый пирог.

— Здра-а-асте! — возмутился Жар.— Три дня нас своей голодовкой изводил, а теперь жрет как ни в чем не бывало!

— Неужто ты так из-за меня переживал? — с интересом покоился на него Альк.

— Ну Рыску изводил,— поправился вор.— У нее самой из-за тебя кусок в горло не лез!

— Вовсе даже лез,— запротестовала уличенная и смутившаяся девушка.— Просто... беспокоились за тебя! Немножко.

— С чего бы это? — Альк критически изучил пирожную начинку, но счел безобидной и снова в нее вгрызся.

— Ты ж ходил такой смурной, будто вконец сдался! Если б не мы, так бы на дубу и повесился! — сгоряча выпалила Рыска свое потаённое опасение, не покидавшее ее всю дорогу и заставлявшее следить за каждым шагом саврянина.

— Я?! Девка, ты меня с кем-то путаешь.— Белокопый устался на нее высокомерно-жалостливо, как на больную.

— А кто деду «прощай» сказал?! — настаивала разобиженная девушка.

— И что? Он же совсем старенький, больной, вряд ли долго протянет.

У Рыски не нашлось слов. Альк нагло глядел ей в лицо, жуя пирог. Пришлось, как ни позорно, потупитья.

От волны сдобного духа у девушки подло проснулся аппетит, но было поздно: торговка успела раствориться в толпе.

— Не надейтесь.— Саврянин вытер жирные пальцы о коро-

вью шею. — Скорее все дубы в округе попадают, чем я какой-нибудь из них осчастливию.

Рыска вздохнула, не зная, радоваться или огорчаться. Она уже немножко изучила Алька, и целеустремленный блеск, вновь появившийся в желтых глазах, наводил на нехорошие мысли о собственно цели. Не пирожок же так его взбудрил. Девушка подозревала, что это как-то связано со встреченным путником, — но ведь Альк отказался от его помощи! Нет, понять, что творится в дурной саврянской башке, было совершенно невозможно...

— Это еще что такое?! — перебил Рыскины мысли суровый оклик стражника. — Тут людям места мало, а они со скотиной приперлись, чужие ноги давить! Вон там коровязь платная, туда и ведите!

Пришлось подчиниться и вернуться на площадь пешком. Торговка пирогами снова орала где-то неподалеку, как кулик в камыше, но увидеть ее больше не удалось. Тогда Жар купил себе с подругой по берестяному кульку жаренных в меду орехов, золотистых и хрустящих. Рыска впервые попробовала это лакомство, и оно привело ее в восторг. Да и вообще — хорошо здесь! У всех лица веселые, довольные, поневоле в ответ улыбнуться хочется. Кто семечки лузгает, кто языки чешет, кто на карусели катается: к макушке столба крутящееся колесо приделано, а с него веревки свисают; ухватишься за одну, разбежишься, подожмишь ноги — и лети по кругу! Но туда только с тараном пробиваться — столько желающих.

Невдалеке стоял еще один столб, высокий и такой гладкий, что аж лоснится под солнцем. Может, даже чуток намастен для пушей сложности — призы-то знатные, от огромного копченого окорока до красных сапог с подковками, снизу видно, как блестят. Возле него народу было поменьше, только глазели завистливо.

— Залезешь? — с подковыркой спросил Жар у Алька.

Тот брезгливо дернул левым углом губ:

— Делать мне больше нечего.

— А башмаки тебе уже не нужны?

— Не такой ценой. — Альк почесал левую ногу о правую. Подошвы у него были чернющие, еще и посбивал с непривычки, наверное, но ни за что ж не признается!

— Так бесплатно же, — не поняла Рыска. — И заодно потеха, весело!

— Вот именно, — проворчал саврянин. — Один идиот коря-

чится, а остальные смотрят и ухохатываются. Жуть как весело. Я лучше босиком поожу.

— Странно, крысы должны бы хорошо по столбам лазить, — с невинным видом заметил вор, сплевывая случайную ореховую лушпинку.

— Я не «не могу», — раздраженно повысил голос Альк, — а «не хочу».

— Так докажи!

— Своих дружков на «слабо» подбивай, ворюга. Меня твои подначки не волнуют.

— Врешь, вон как желваки на лице играют!

— Это меня от твоей компании тошнит. — Саврянин отвернулся, намекая, что иначе точно вырвет.

На противоположной стороне площади словно махровые маки расцвели: из переулка пестрой лентой выползал табор. Цыганки взмахивали юбками, как яркими крыльями, и пускались в пляс по кругу, звеня бубнами и браслетами. Зоркая Рыска узнала идущего впереди жожака и, наклонившись вбок, гулко щелкнула Жара по гитаре:

— Иди верни!

Вор чуть слышно застонал. Он-то надеялся, что этот вопрос уже утрясли и благополучно забыли.

— Не бойся, — неправильно истолковала оный звук Рыска. — Скажи, что нечаянно взял. Он обрадуется, вот увидишь!

Жар в этом как раз не сомневался и предпочел бы влезть по столбу. Но подруга неумолимо жгла его желто-зелеными глазами, так что пришлось подчиниться.

Альк с Рыской остались вдвоем. За время пути в Зайцеград это случилось чуть ли не впервые, Жар оберегал подружку с ревнивой пылкостью брата, не выпуская из виду дольше чем на пять щепок. Рыске казалось, что она уже притерпелась к саврянину, но сейчас все равно ощутила какую-то неловкость и поспешила перенести внимание на площадь.

Акробат уже закончил выступление, и его место занял заклинатель с толстой желтой змеей, взирающей на хозяина с усталым отвращением. Змей Рыска побаивалась и даже на ручных глядеть не хотела. Немножко послушав музыкантов и честно кинув им монетку за усердие, девушка начала проталкиваться к третьему помосту.

— А здесь что?

— Ерунда, уличные сказители, — нехотя отозвался Альк из-за

ее спины. — Одни бездельники языками мелют, другие уши подставляют.

— И что, любой может сюда влезть и рассказать сказку? — поразилась Рыска.

— Сказку, историю, поэму, поучительную байку... да хоть свежую сплетню. Если какая-нибудь мура окажется, слушатели его мусором закидают, если интересно — монет в шапку насыплют. Пошли назад к коровязи, там дружка твоего и подождем.

— Погоди,— остановилась девушка,— давай хоть немножко послушаем!

Нынешний сказитель выглядел благообразно и располагающе: невысокий, в возрасте, но крепенький, хорошо одетый, с набегающей со лба лысиной и узкой, но не редкой, а просто подбритой с боков бородой. Мягкий голос ручьем журчал над толпой, заставляя ее то слаженно охать, то смеяться. Рассказ шел к концу, и уловить его суть Рыска не успела: вокруг захлопали, зашвистели, зазвенела медь по доскам, и сказитель, откланявшись, величественно спустился с помоста. Несколько человек бросились ему наперерез, просительно взмахивая веревочками, чтобы завязал по узелку на память. Мальчишка-ученик остался подбирать монеты, торопливо сгребая их в кучу, пока уличные сорванцы не похватали те, что с краев.

— Кто это? — шепотом спросила Рыска у ближайшей женщины.

— Знаменитый странствующий мудрец Невралий,— благоговейно ответила та.— Он знает одиннадцать языков, владеет шестью видами оружия и пешком обошел восемь стран! Книги с его творениями хранятся в доме у каждого богача, и любой мещанин считает за честь сложить песню на его стихи!

— Ой! — восхитилась девушка, глядя на сказителя совсем иным, почти влюбленным взглядом. Надо же, какой великий человек! Не каждому выпадает честь его хотя бы увидеть, а тут — послушать! — Ах, у тебя веревочки нет?

— Попроси, чтоб на косе завязал,— буркнул саврянин, на которого слова горожанки почему-то произвели обратное впечатление, глаза презрительно сощурились мудрецу в спину.— И год не расчесывайся.

— Злой ты,— обиделась девушка.— Завидуешь, наверное.

— Я? Ему?! — неподдельно возмущился Ах.— Чему тут завидовать-то — бороде козлиной?

— Уму!

— Борода и то завиднее.

Впрочем, сказитель так и так скрылся в толпе, догонять поздно. Сменять его на помосте никто не спешил, хотя веселая компания парней пыталась выпихнуть туда самого говорливого, но для похабных частушек тот выпил слишком мало, а для приличных — слишком много.

А на Рыску внезапно накатила тоска по хутору — особенно по длинным зимним вечерам, когда батраки и служанки собирались на кухне вокруг стоящей на полу плошки с жиром и поочередно рассказывали байки. Отблески пламени превращали лица в загадочные красно-черные маски, а за спинами шевелились тени, подслушивая и так мастерски воплощая сказочных чудищ, что боязно было обернуться. Однажды кот уронил прислоненный к печи ухват, так даже Цыка заорал от страха: Рыска как раз про медведя-оборотня рассказывала.

— На, поддержи! — Девушка сунула Альку кулек с недоеденными орехами, ухватилась за край помоста и легко на него вспрыгнула. Чья-то сильная нахальная рука успела пихнуть ее под зад, больше помешав, чем подсадив. Рыска поспешно выпрямилась и развернулась, но кто это был, так и не поняла.

На новую сказительницу тут же уставились сотни глаз — одни с интересом, другие недоверчиво. Некоторые, особенно мужчины, разочарованно разворачивались и уходили, даже не дождавшись начала: ну что эта девчужка-простушка им рассказать может? Бабские истории только бабам и интересны, про любовь там или злую свекруху...

Смотрел и Альк, метко кидая в рот орехи из ее кулька. «Пока я тут стоять буду, все сожрет!» — мелькнуло в голове у Рыски, но тут же напрочь вылетело. Парни, которых она опередила, громко перебрасывались шуточками, от которых начинали хихикать и окружающие. Девушки-ровесницы глядели ободряюще, шикая на дружков. Что же им рассказать-то? Рыска торопливо перебрала в памяти свои лучшие байки. Страшные и печальные, пожалуй, не стоит — не то у людей настроение. Надо что-нибудь веселенькое и всем — а не только хуторянам — понятное...

Тут Рыска заметила девочку лет семи, прижавшуюся к самому помосту и росточком едва ли с него. Бедно, но чистенько одетая, гладко причесанная, а на конопатой, обращенной к сказительнице мордашке такое восхищение, что грех обмануть ожидания.

— В одной... — Рыска сразу поняла, что говорить надо намно-

го громче, почти кричать. — В одной маленькой веске жила-была девочка, круглая сирота...

Толпа притихла, как дикий зверь, замороженный человеческим голосом. Можно было уже не так рвать глотку, изобразить и хрипатое лесное чудище, и визгливую бабу...

Первой шутке сдержанно улыгнулись, вторая заслужила несколько смешков, а потом словно снежный ком с горки сорвался. Чем охотнее отзывались на байку люди, тем искусней становилась рассказчица. Обилие народа уже не смущало — напротив, наполняло вдохновением, как птичьи крылья ветром. Рыска больше не стояла столбом: махала воображаемым мечом, скакала по помосту за корову, «чаровала» скрюченными пальцами за злого колдуна и за него же падала на колени, моля добру девицу не убивать его, почти совсем раскаявшегося...

Тем временем великий мудрец — видать, привлеченный громовым хохотом — вернулся и встал у помоста, внимательно слушающая. Вокруг него тут же образовался почтительный кружок.

— ...и вернулась она домой с победой. — Девушка закончила и выпрямилась, переводя дыхание и убирая с мокрого лба выбившиеся из косы и налипшие прядки.

Восторженный рев толпы стал Рыске лучшей — но не единственной наградой. Не успели отзвучать хлопки, крики и свисты, как по помосту застучали монетки. Одна подлетела к самым ногам сказительницы, и девушка, нагнувшись, подобрала ее и сжала в кулаке. Вот оно счастье — получать деньги за то, что умеешь и любишь больше всего!

Кто-то швырнул и тухлое яйцо, расквасившееся о доски и запачкавшее несколько монет, но это почти не омрачило Рыскиного торжества. Жар, невесть когда присоединившийся к зрителям, расторопно стянул шапку и начал собирать в нее выручку. Даже из яичной лужи не побрезговал вытащить.

— Еще, еще! — одобрительно орали вокруг. — Что там дальше с девкой было-то? А корова так и ускакала?

Воодушевленная Рыска не прочь была продолжить, но тут на помост степенно, по ступенькам, поднялся мудрец Невралий. Зорко осмотрелся, гася шум, как ворвань волны, и мягко, по-отечески обратился к благоговейно уставившейся на него девушке:

— Очень, очень похвально, милая. Язык у тебя хорошо подвешен, да и история забавная, необычная. У тебя определенно есть дар сказительницы, и немалый...

Рыска зарделась, чувствуя себя так, будто сама Хольга спустилась с небес, дабы похвалить ее за праведную жизнь.

— ...поэтому мне больно глядеть, как ты растрачиваешь его впустую,— со вздохом закончил мудрец.

— Где ж впустую? — опешила девушка. — Вон как мне хлопали! Боль... Не меньше, чем вам,— деликатно поправилась она.

— Верно — потому что ты говорила то, что они хотели услышать,— грустно укорил мудрец. — Шуточки, прибауточки, герои даже перед боем друг друга поддразнивают... Пена на волнах истины.

Рыска по-прежнему ничего не понимала.

— А разве это плохо? Мне нравится веселить людей, им нравится смеяться, все довольны...

— Девочка! — в праведном возмущении воздел руки сказитель. — Свинья тоже довольна, когда ей чешут пузо. Людей же надо не развлекать, а увлекать! Пробуждать их разум, заставлять задумываться о вечном, просвещать и прививать мораль!

— Но это же была сказка,— растерянно пробормотала Рыска. — Разве она не может быть просто доброй и веселой, чтоб люди хоть ненадолго забыли о своих бедах?

— Настоящий мастер,— мудрец нравоучительно поднял палец,— не должен растрачивать талант на такую ерунду. Если ты не будешь работать над собой, он уйдет, как вода сквозь пальцы, оставив в горсти только избитые шуточки, над которыми не станут смеяться даже самые преданные в прошлом слушатели... И тогда ты наконец захочешь сотворить истинный шедевр красноречия, но уже не сумеешь и с горя повесишься на вожжах в ровнике.

Рыске показалось, что ее щеки превратились в два угля, пышущие жаром на три шага вперед. Как это — ерунда?! Да она в детстве только такими сказками от «вожжей» и спасалась! Девушка хотела возразить, даже слова половчее друг к другу в уме пригнала, но тут мудрец все с той же благожелательной улыбочкой ткнул пальцем в монетку, которую Рыска безостановочно крутила в пальцах, и заметил:

— А ты нервничаешь, девочка! Значит, сама чувствуешь, что неправа.

Это было так подло и обидно, что ответная речь застряла у Рыски в горле, а взамен из глаз брызнули слезы. Ну конечно, она нервничает: незнакомый город, первое в жизни выступление, беседа с таким великим и уважаемым человеком... Но какое отношение это имеет к предмету спора?! А вокруг ехидно захихи-

кала толпа — та самая, что щепку назад так горячо ей рукоплескала. И начала поддакивать: верно-верно, куда тебе, весковой синичке, до благородного журавля. Самодовольное лицо мудреца поплыло у Рыски перед глазами, в ушах зазвенело.

Доски под ногами дрогнули: на помост вскочил еще один человек. Подошел к Рыске со спины, вежливо оттеснил ее в сторону и, широкой улыбкой призвав собеседника к вниманию, выдал длинную витиеватую фразу на саврянском языке.

Похоже, оный входил в число известных мудрецу одиннадцати, ибо сказитель потрясенно разинул рот, но им не воспользовался.

Альк улыбнулся ему еще раз, отвесил ироничный поклон и, ухватив девушку под локоть, свел с помоста и потащил сквозь толпу. Вслед им понесся многоголосый гогот, но над кем — непонятно.

— Что ты ему сказал? — Рыска неуверенно упиралась и оглядывалась, но саврянин неумолимо тянул ее прочь с площади.

— Да так, всего понемножку. О прелестях юной самки коровы, режвящейся на весеннем лугу после сытного обеда. О долгом и извилистом пути, который, несомненно, приведет уважаемого собеседника к исполнению его тайной мечты. О совершенстве ствола тополя, чья форма идеально подходит для...

— Альк!!! — наконец осенило Рыску. — Ты что, обложил мудреца матом?!

— Вообще-то я собирался оттягать его за бороду, — с сожалением признался саврянин, — но ради праздника решил проявить вежливость и тактичность.

— Ты с ума сошел! — Рыска остановилась. Альк — нет, и теперь девушка ехала башмаками по гладкой брусчатке, как волокуша за волом. — Это же великий мыслитель, он старше и мудрее нас, вместе взятых!

Саврянин жалостливо покосился на спутницу:

— Рыска! Этот тип мудрее тебя лишь потому, что лучше треплет языком! А нес он полную чушь, облекая ее в красивые выпренные слова.

— Мы должны вернуться и извиниться! — настаивала девушка. Она даже попыталась сесть на землю, но оказалось, что ткань штанов скользит еще лучше, а протирается в разы быстрее. К тому же саврянину одобрительно засвистели и заорали из окон какие-то пьянчуги: «Так ее, потаскушку! Ишь строптивая какая попалась!»

— Мы? — Альк, мерзавец, показал им победно согнутую руку.

— Хотя бы я!

— Чтобы он снова начал над тобой издеваться?

— Слово нужно побеждать словом, а не кулаком!

— А я что сделал?

— Я имею в виду — мудрым словом!

Переулки надежно погребли вид на площадь, и Альк наконец остановился, выпустил Рыскино запястье.

— Мудрость рождается в споре равных, а это было избивание младенца, да еще на потеху публике. Такие велеречивые узлы безнадежно распутывать, их можно только хорошенько рубануть.

— Но толпа...

— Что — толпа? Она как ребенок: тянется за цветастым фантиком, даже если внутри полное дерьмо. Ручаюсь — девять из десяти слушателей вообще не поняли, о чем вещал этот «мудрец», но им очень хотелось показаться умными.

Рыска понурилась, чувствуя себя выжатой, как виноградный жмых — одни царапучие семечки да горькие шкурки. Сок же остался там, на площади, жадно выпитый толпой.

— Зря я вообще туда полезла...— пробормотала она.

— Да ладно, — отмахнулся Альк, — я тоже постоял, послушал. Здорово треплешься, тебе бы в балагане выступать. Надеюсь, твой дружок успел прихватить шапку? Там вроде даже серебро блестело.

— Тебе правда понравилось? — недоверчиво встрепенулась Рыска. — А мудрец сказал...

Саврянин фыркнул:

— Еще бы, он ведь тоже в шапку заглянул. Которая могла бы быть его. Выбрось из головы, у тебя там и так мало места для умных мыслей.

Тут Рыску с Альком наконец догнал Жар — он действительно задержался, собирая монеты, а потом еще прохожих пришлось расспрашивать, куда саврянин с девицей пошли.

— Там до сих пор потеха, — с гнусным хихиканьем сообщил вор. — Мудрец принялся какой-то стих читать, прочувственный — аж зубы сводит. А в толпе нет-нет да как захохочут! Сказитель-то улыбается, едко отшучивается, а глаза злые-презлые.

Рыска до конца так и не успокоилась, но повеселела. Особенно когда Жар торжественно вручил ей шапку с деньгами.

— Может, вправду сказительницей заделаться, а? Мне понравилось! И доходно так, оказывается...

— Если бы,— разочаровал ее Жар.— Сегодня праздник, вот толпа и собралась, веселая да щедрая. А ежели каждый день тут байки травить, то хорошо если десяток человек остановится. К тому же тогда помост выкупать придется, а еще стражникам платить, чтоб пьянь и дураков гоняли... Ну его к Сашию!

— А это что? — возмутилась девушка, указывая на по-прежнему болтающуюся у Жара за спиной гитару.

— А? — Вор крутанулся, решив, что Рыска заметила кого-то позади. Злосчастная покража мотнулась вместе с ним.— Ах это... Слушай, совсем про нее забыл! Ничего, в следующий раз отдам.

— А вдруг мы этих цыган больше не встретим?!

«Вот и прекрасно»,— читалось в глазах Жара.

— А я купца нашего нашел! — поспешил сообщить он.— Ну то есть узнал, где он живет. Тут недалеко, даже коров можно не забирать. Идем?

— Ага,— согласилась Рыска, покосившись на Алька. Саврянин резко помрачнел, но, не сказав ни слова, развернулся в указанную вором сторону.

Идти действительно пришлось недолго, десять щепок и два поворота, однако на месте кредиторов поджидало разочарование: дверь скобяной лавки была заперта на висячий замок, даже стучаться нет смысла.

— А это точно его дом? — усомнилась Рыска.

— Точно-точно, сказали — над лавкой живет, вход один.— Друг так обиженно уставился на замок, словно лично у него, Жара, с Матюхой было уговорено о встрече, а тот подвел.

— Да он, наверное, на заячьи бои подался,— сообщила не в меру любопытная и болтливая соседка, вытряхивающая половик из чердачного окна дома напротив.— Раньше полуночи не вернется.

— Полуночи?! — изумился-возмутился Жар.— Чего там столько времени делать-то, сейчас же только-только за полдень перевалило?

— Ну так вначале на гулянье, оттуда на боевище, а потом в кормильню, горе заливать,— пояснила горожанка и так взмахнула плотной тряпкой, что Рыску обсыпало песчинками, а на вора свалилсядохлый таракан.

— Горе?

Женщина рассмеялась, втянула половик назад в окошко.

— Так он же невезучий, как первый блин, вечно не на того ставит!

— Невезучий купец? — подняв брови, пробормотал Жар. — Это что-то новенькое.

— Про торговлю ничего не скажу, вроде гладко идет, — признала соседка. — А с зайцами этими у него ну никак не складывается, хоть он их всех по кличкам и в морды знает. В этом году вообще решил свою зайчатню завести, заказал полдюжины аж в самом Шипоне, отдельного слугу клетки чистить нанял...

— Ага, спасибо, тетушка! — Про зайцев Жару было уже неинтересно. А вот страсть купца к ставкам сильно обеспокоила — вор знал случаи, когда на таких боях спускались целые состояния. Особенно если своего зверя выставляешь, считая его лучшим из лучших. Надо ловить должника, куда не проигрался в пух и прах! — А где то боевище?

— Да вон туда, под горочку и до самого канала. — Соседка хлопнула окно.

— Ой, а я никогда заячьих боев не видела! — округлила глаза Рыска. — Это как?

— Вот заодно и посмотришь. — Жар поправил шапку, покосился на Алька. Саврянин подозрительно вглядывался в узкий переулок, затемненный общей крышей между домами. Даже несколько шагов к нему сделал. — Чего там?

Из тени, будто отвечая на вопрос Жара, выбежали две крысы, большая и поменьше. Без видимой цели покрутились по мостовой и шмыгнули обратно.

— Ничего, — отвернулся от переулка Альк. — Уже ничего.

ГЛАВА 3

Крысы обожают зрелища и, если в доме происходит что-то необычное, непременно выглядывают из нор.

Там же

Заячьи бои, оказывается, начинались только с темнотой, когда зайцы входили в полную силу. До этого на боевище шло обычное гулянье, и в шатер с клетками стража никого, кроме хозяев, не пускала. Жар немного послонулся рядом, отлавливая всех выходящих, и выяснил, что Матюхи внутри нет, его зайцев — тоже и с утра купца никто не видал. Впрочем, все уверяли,

что Матюха вот-вот непременно придет, без него ни одни бои не обходятся, тем более — главные ежегодные.

Но прошло две лучины, а купец-зайцелюб так и не появился.

— Может, он нарочно прячется? — с досадой предположил Жар.

— Откуда ему про нас знать-то? — удивилась Рыска.

— А если дедок нашего крыса, — вор зыркнул на Алька, — успел его оповестить?

— Тогда бы Матюха сам меня искал, — отгавкнулся саврянин. — Чтобы общине заложить.

— Так, может, мы с ним и разминаемся весь день?

— Не дури голову. На кой приплетать купца, если за нами и без того путник тащится?

— Отстал же вроде... — неуверенно напомнила Рыска.

— Этот — не отстанет, — зло бросил Альк.

— А что тогда делать? — Девушка не уточнила с кем — купцом или путником, и саврянин выбрал ответ на свое усмотрение:

— Подождем начала боев. От них, судя по слухам, Матюху только смерть удержит.

— А может, попробуем еще погулять, поискать его? — Рыска устала, но какое-то неясное беспокойство мешало ей согласиться с Альком. После разговора с мудрецом никак не успокоится, что ли?

— В этой каше? — фыркнул саврянин, обводя рукой заполоненные людьми улицы. — Мы даже не знаем, как он выглядит.

Жар промолчал, признавая его правоту, и Рыска тоже сдавалась. Найти свободные места в кормильне в разгар праздника было не легче, чем беглого купца, и пришлось устроиться просто под стенкой дома, как последним бродягам. Впрочем, таких сегодня было много, даже стража смирилась и не гоняла. Стоило Жару попасть в тень и вытянуть усталые ноги, как он начал задремывать, клонясь головой к Альку на плечо. Саврянин зло отпихнул его раз, другой, потом не выдержал и пересел по другую сторону от Рыски. Жар тут же сполз окончательно, уютно устроившись щекой у подруги на коленях. Девушка шутиливо потрепала его по пыльным кудрям, спящий друг расплылся в улыбке, чмокнул губами и пробормотал что-то отнюдь не братское. Рыска смущенно отдернула руку, хотя обращался Жар явно не к ней.

Идущие мимо люди их словно не замечали, только какой-то оборванец запнулся об Алькову ногу и в сердцах бросил что-то насчет падали и саврян. Альк лениво смерил его взглядом — это-

го хватило. Жара потихоньку шла на спад, сверху, из ящика на подоконнике, доносился одуряющий аромат каких-то цветов, легкое похрапывание друга действовало убаюкивающе, и вскоре девушка тоже начала клевать носом.

* * *

Темнело. Еще лучина — и неясно будет, где тут полено, а где его тень. Цыка поставил на колоду очередной чурбачок, но рубить не спешил. Утер щекочущий брови пот, потянулся, не выпуская из рук топора, и чуть не уронил его на ногу. Вечно так: покуда работаешь — никто твоего старания не видит, а едва улужишь щепочку передохнуть — хозяин тут как тут!

Но на сей раз Сурок не кинулся браниться, даже улыбнулся ласково и рукой махнул: мол, умаялся, труженик, сядь передохни! А я тебя беседой развлеку.

Садиться батрак не стал — постеснялся. Только топор в чурбак воткнул, задом чуя: что-то тут неладно. С Рыскиного бегства уже неделя прошла, а хозяин никак не мог простить Цыке с Михом, что упустили девчонку. Вначале грозился вообще без платы выгнать, потом вроде поостыл, но все равно отравлял жизнь, придираясь по каждой ерунде. Миху-то как с гуся вода, а у Цыки жена беременная, дом недостроенный, сейчас ругаться с Сурком ну никак нельзя, надо хоть до зимы доработать.

— Дружок твой уже к отъезду готовится, — кашлянув, начал хозяин.

— Ага, — осторожно поддакнул батрак. Еще как готовится: прихватил кувшин ледяного вина и утопал в веску к девкам, чтобы душу напоследок отвести. Даже Муха ворчать не посмела — последний же денек вольной жизни, а как оно дальше обернется, неведомо. Гонец с тсецами и путниками дождался конца жеребьевки, записали имена «везунчиков» и уехали, велел добираться в Макополь своим ходом и быть там не позже завтрашнего вечера. Назад поедут — проверят.

— А мои бабы во-о-оют, — вздохнул Сурок, присаживаясь на лавочку под стеной. — Мол, на кого ты нас, кормилец-поилец...

Цыка промычал что-то согласно-сочувственное. Жена с женой, узнав о постигшем их горе, действительно подняли крик: дурак, пень бородатый, почему сразу с весчанами не договорился?! Небось посулил бы каждому по полсребра, чтоб без него тянули, — с радостью бы согласились! Нет, пустил дело на волю

Сашия, потащился с путником советоваться, выгоды искать — а в итоге все потерял!

— Экая глупость, — продолжал Сурок, распаляясь, — хозяина хутора на царскую стройку отправлять! Да царь больше налога с прибыли недополучит, чем на моем черном труде заработает! Чтоб я камни на старости лет ворочал, позор!

— Так вас небось командовать поставят, — льстиво предположил батрак.

— Да на бычий корень оно мне! — выругался хозяин. — У меня сенокос на носу, пруд копать надо, скот клеймить и разбирать, что на племя, а что на продажу! А если царь нас там до морозов мурыжить будет, это ж вообще развал хутору... — Сурок поерзал на скамеечке, вперил в работника тяжелый взгляд и уже без обиняков предложил: — Слышь, Цыка, пошел бы ты вместо меня, а?

— Да ты что, хозяин, Фесське ж моей рожать через месяц! — растерялся батрак. — Как я ее брошу?

— Тю, эти бабы как кошки, — махнул рукой Сурок. — Родит, никуда не денется. Я ей лучшую шептуху в округе позову. Зато вернешься с прибытком.

— С чего бы это? — не понял Цыка. Царь на деньги скуп, хорошо если по паре медек в день заплатит, а то и вовсе зажмет, скажет: на благо государства. Поди возрази — сразу изменником родины объявят, тогда хоть бы вообще домой вернуться.

— Так я ж тебя не так прошу, а по-хорошему! — появственней намекнул Сурок. — Будет твоему первенцу подарок: овечка молоденькая, тонкорунная.

— Да нам вроде как от вески ярко обещали, — почесал затылок Цыка, старательно отводя взгляд. Разговор здорово его тяготил: и отказывать хозяину неловко, и ох как не хочется куда-то уезжать. Избу доделывать надо, жена опять же вот-вот...

— Тогда барашка в пару, — продолжал соблазнять хуторянин. — По весне уже с приплодом будете.

— Да ее в общем стаде и так оседлают...

Сурок и не рассчитывал дешево отделаться — но торги следует начинать с заведомо малой суммы, тем ощутимей будет разница с серьезным предложением. К тому же, чем Саший не шутит, порой находятся дураки, которые даже на гнутую медьку соглашаются.

— А теленка — хочешь?

— Да ты нам и так две... — Батрак настороженно глянул на хозяина. Не сумел купить — так теперь начнет грозить, что зарабо-

танное не отдаст? Пусть только попробует, тогда Цыка точно не поленился до города дойти, к судье. Сурково-то имя в тсецкие бумаги вписано, не отопрешься!

Но хозяин это тоже прекрасно понимал.

— Ну надо же — все у них есть! Счастливые,— в шутку позаиводвал он.— Только деньги-то — их ведь много не бывает. Вечно на что-то нужны — то корове новый хомут, то бабе платье, то ребенку пряник. Давай, покуда ты там за меня работаешь, я тебе как себе и платить буду? По серебру в день, а?

Цыка медленно присел на край колоды. Сурку удалось-таки его огорошить. Положим, в день хозяин зарабатывал далеко не один серебр, но это все равно было в двадцать раз больше того, что платили батраку. Если подумать, что тут такого страшного? Ходят же весковые мужики на заработки, плоты вон гоняют, лес за рекой рубят. Чем тсарская стройка хуже? Жена вот только... ну другие же бабы как-то справляются!

— Так... это... — кашлянул он.— Записано ж: Колай, Мих и Викий.

— А кто узнает? Скажешь, что ты этот самый Викий и есть,— заухмылялся Сурок, поняв, что рыбка заглотила крючок — осталось только осторожно подтянуть к берегу.

— Колай с Михом знают.

— Это уж моя забота — память им замутить. Так что, договорились?

— Ну... вообще-то... можно, конечно, только...

— Вот и отлично.— Сурок встал, довольно похлопал батрака по плечу и ушел в избу.

Цыка машинально взялся за ручку топора, расшатал его и выдернул из колоды. Поглядел на полено, поглядел на небо, где уже проклевывались звезды, плюнул и снова засадил.

Надо теперь как-то с Фессей объясняться. Вот дуры-бабы, ради них же стараешься, и все равно — слезы, упреки... Пойти, что ль, Миха догнать, покуда тот все вино не вылакал?

* * *

Рыска проснулась первой, не сразу поняв, где находится и какое сейчас время суток. То ли смеркалось, то ли светало, ныли спина и затекшая шея, а левое плечо вообще онемело от лежащей на нем тяжести. Девушка возмущенно трепыхнулась, и Альк, мигом очнувшись, выпрямился. Потер щеку, на которой четко отпечатался рубчик Рыскиного воротника.

Улица почти опустела, даже побирушки и бродячие псы исчезли. Редкие прохожие — все в одну сторону — распугивали сизые клубочки пыли; те откатывались к стенам, будто сдутые ветром, но, стоило человеку пройти, снова начинали сновать по мостовой, подбирая насаженные толпой орехи, семечки и пирожные крошки.

«Да это же...» Девушка с писком поджала ноги.

— Ты чего? — недоуменно покосился на нее Альк. Один из «клубков» как раз обнюхивал его пятку, но саврянин лишь досадливо дрыгнул ногой, шуганув нахала.

— Кры-ы-ысы!

— И что с того? Отвыкла за три дня?

— Их много, и я с ними незнакома!

— Надо же, нашлась дама из высшего света, — ухмыльнулся саврянин. — Что, представить вас друг другу по дворцовому этикету?

— Да ну тебя! — набычилась Рыска.

— Это еще немного, — проснулся и Жар. Сел, смачно потянулся. — И мелкие, тьфу. В макопольских подворотнях порой не знаешь, куда ногу поставить, чтоб не на хвост; сбегаются к отбросам, как тараканы. Тут-то чистенько, жиреть им не с чего...

— Вот и хорошо! — Освобожденная девушка вскочила, навсегда зарекшись жить в Макополе. Крысы шарахнулись, но не слишком убедительно. Как будто из вежливости.

Мужчины тоже поднялись, осмотрелись. Гулянье стекло за мост, к боевищу — теперь пели и шумели там. В окнах реденько горели огоньки — домой вернулись только женщины с маленькими детьми да старики, которым сон уже дороже ночных забав.

— Началось? — прислушался Жар.

— Нет еще, — машинально отозвался саврянин. — Двадцать три к одному.

Рыска тоже была уверена, что можно не спешить, но такая точность показалась ей настоящим волшебством.

— Расскажи, как ты это считаешь? — пристала она к Альку уже по дороге к боевищу. Даже вперед забежала, с надеждой заглядывая саврянину в лицо.

Тихий теплый вечер настраивал на благодушный лад, на Алька и то подействовало.

— На чем вы там в веске гадаете? — ворчливо спросил он, как коровий лекарь, которого попросили осмотреть прихворнувшую курицу.

— На рыбьей ветле,— с готовностью сообщила девушка,— на горошинах еще цветных, желтых и зеленых.

— Ну вот представь, что на столе перед тобой лежат две горошины. Желтая — вероятность, зеленая — противоположность.

Рыска хотела спросить, почему именно на столе — неужто ладони мало? — но побоялась разозлить Алька глупым вопросом. Задала более важный:

— А если вероятностей несколько?

— Все рассматривают поочередно, такими вот парами. Необходимо сосредоточится на том, что ты пытаешься угадать, и соотносить это с горошинами. Если совместятся — вероятность события один к одному.

— А если нет?

— Представляешь три горошины, одну желтую и две зеленые. Или две желтые и одну зеленую, если чувствуешь, что вероятность больше противоположности. И так до победного.

— Но их же целая тыща может быть! — изумилась Рыска. Так вот зачем целый стол!

— Больше сотни обычно не считают, и так ясно — пустышка.

— Так ведь пока даже сотню напредставляешь, полдня пройдет!

— Это поначалу. Потом оно машинальным становится, как любой навык, сразу нужное количество перед глазами встает. Хм...— Саврянин заметил кое-что интересное, подошел поближе.

В темном проулке-тупичке стояло невысокое, рукой до крыши достать, строенье. На двери висела табличка: «Вход — 1 медька», а под ней виднелась щель хитрого стального устройства, отпирающего замок только после брошенной туда монетки. Несмотря на более чем приличный и недавний вид постройки, запах она источала убойный — не иначе как горожане таким незамысловатым способом выражали протест против нововведения.

— Ринтарцы,— брезгливо поморщился Альк.— Темный, бескультурный народ! Ты погляди, как наместник для них расстался: внутри же небось и приступочки удобные сделаны, и пол каменной плиткой выложен, и подвваленные лопушки на подносе лежат. Цивилизация! А горожане, чтоб их, такое начинание опаскудили...

Саврянин обошел платный сортир по кругу, воровато косясь по сторонам, чтобы в итоге пристроиться у самого неприметного с улицы угла.

— Ты что делаешь?! — Рыска едва успела отвернуться. За спиной громко зажурчало. — А кто только что рассуждал о темноте и бескультуре?!

— Я-а-а-а... — блаженно отозвался Альк. — Но монеты мне жалко, а в этом месте город все равно уже испорчен. Так что лепту в поддержании уличной чистоты это строеньеице определенно внесло!

«Хорошо еще, что ему живот от пирога и орехов не прихватило, — сердито подумала Рыска. — После трехдневной голодухи-то».

— Жар, слушай... Жар?

Друг куда-то исчез. Журчание, почти сошедшее на нет, возобновилось с новой силой. Судя по бурному издевательскому перешептыванию за сортиром, спутники улучили момент и померились-таки и теперь спорили насчет результатов.

Рыска покачала головой и назло бесстыдникам кинула медьку в щель. Замок мелодично тренькнул, дверь приоткрылась. Девушка сунулась внутрь, но тут же зажала нос и поспешила ее захлопнуть. Альк недооценил мстительность горожан. Некоторые из них не пожалели монет, дабы изгадить оплот чистоты и изнутри.

— Стража идет! — припугнула Рыска.

— Врешь, — презрительно отозвался белокопый, но из-за сортира спорщики все-таки вышли, с разных сторон, на ходу затягивая пояса.

В темноте боевище выглядело совсем иначе, ибо темноты как таковой не было: площадь освещали сотни факелов, чад от которых сползся в низкое черное облако. Клетки с зайцами вынесли из шатра и расставили в рядочек, вдоль них прохаживались зрители, выбирая возможного победителя. Неподалеку принимали ставки — солидно, под охраной, выдавая расписку даже на одну принятую медьку. Там стояла немаленькая очередь, но еще горячее люди бились об заклад между собой, мальчишки и те на плюшку против кренделя спорили.

Рыска, как самая худенькая в компании, первой протолкалась к клеткам, заглянула. Внутри поодиночке сидели бойцовские зайцы: матерые, большеголовые, полосатые, с вислыми, как у овец, ушами. То один, то другой принимался грозно хрюкать и топтать задними лапами. Остальные тут же подхватывали, и ящички начинали вразнобой трястись. Хозяева, присев на корточки, сюсюкались с грозными зверями, гладили через решетку, успокаивали.

— Шипонская порода, — благоговейно шептались знатоки за Рыскиной спиной. — Драчливые — жуть! В прошлый раз чуть разнимающего не загрызли.

В самой большой клетке вальяжно лежал на охапке сена прошлогодний чемпион, черно-кремовый Лучик. Широкий лоб прорезала ложбинка, говорящая о чистоте породы и крепости черепа. Кокетливая синяя ленточка на шее только подчеркивала бугрящиеся подле нее мышцы. Заяц презрительно игнорировал тсарящую вокруг него суету, и только свирепо шевелящийся нос говорил о готовности рвать и метать.

Позади продолжали шушукаться, и Рыска узнала, что по весне, когда шипонские зайцы токуют, в лесу нередко находят задранных ими волков.

— Матюха появился? — Жар поймал за рукав уже знакомого зайцевода.

— Не-а, — чуток растерянно ответил тот. — Странно, он на той неделе три дня за мной хвостом ходил, чтоб я его зайцев оценил... самому уже любопытно стало, что ж он в том Шипоне купил.

— Ага, — поддержала его сидящая на клетке дочка, смуглая шустрая худышка. — Говорил, что одного даже выставять будет. Ой! Лучик, не балуй!

Сидящему в клетке зайцу надоели ноги в сапожках, мельтешащие перед решеткой, и он больше из любопытства, чем всеерьез прихватил девчонку за пятку — к счастью, из толстой жесткой кожи.

Зайца отцепили как раз вовремя: низкий и гулкий звук дудука (более резкий инструмент мог напугать нервных животных) возвестил о начале состязаний.

— Крысий купец, — разозлился Жар. — Куда он запропастился? Зайцы его сожрали, что ли?

— Да вы что! — возмутился зайцевода, отрываясь от разглядывания дырок в сапоге. — Это же милейшие звери, если нарочно не дразнить! К тому же мяса им нельзя — понос проберет! Погладить хотите?

Лучик облизнулся, смешно, поочередно двинув половинками верхней раздвоенной губы. Язычок был узкий и розовый, зубы — длинные, похожие на крысиные, только посветлее и пошире.

— Нет, спасибо! — Рыска попятилась, и ее тут же вовлекло в общий поток: толпа отхлынула от клеток, устремившись к шестиугольным площадкам, огороженным невысокими, по пояс, за-

борчиками. Распорядитель боев громко объявлял, какую пару зайцев куда сажают. Каждому игроку хотелось, разумеется, взглянуть на поединок «своего» бойца, так что в толпе возникли завихрения, одно из которых на диво удачно прижало Рыску со спутниками прямо к заборчику.

— Ты на кого ставила, красotka? — прицепился к девушке какой-то забулдыга с алчным взглядом и пачкой расписок в судорожно стиснутом кулаке.

— Ни на кого. — От мужика разило несвежим потом, и Рыска попыталась от него отодвинуться, но проще было в землю закопаться — так тесно стояли люди.

— А хошь, посоветую?

— Не хочет. — Жар, стоящий за Рыскиной спиной, решительно всунул руку между подругой и забулдыгой, хоть так их разгородив.

Мужик понял, что «тележка при быке», отвернулся и начал цепляться к кому-то справа.

— Кстати, могли бы пару монет поставить, раз уж все равно здесь. — Жар панибратски ткнул Алька локтем в бок: — Ну, на которого, везунчик?

— Закатай губу, шулер, — прошипел саврянин, отбивая его локоть своим. — Ты что, не знаешь, что на таких состязаниях всегда пара переодетых путников околачивается? Сами зайцеводцы скидываются и приглашают, просто постоять. Нет у нас здесь дара. Только случайная удача, как у прочих игроков.

— Сдается мне, что вас чаще не работать нанимают, а друг другу мешать, — разочарованно заметил Жар.

Альк сердито блеснул глазами:

— Сторожей тоже только из-за воров держат.

— Но чтоб сторожей из-за сторожей?!

— А как рать из-за рати? — подобрал более удачный пример саврянин. — Чуть шпионы донесут, что у противника на одну катапульта больше, — надо срочно и себе достраивать...

Тут на боевище запустили зайцев, и разговор оборвался.

Выпущенные из темных ящичков звери пару щепок удивленно моргали, застыв на месте и давая зрителям себя разглядеть. Один был чуть больше и худее, черно-белый, другой рыже-черный, кругленький как колобок. Рыске он сразу приглянулся, особенно когда девушка услышала, что его противника зовут Шошка. Черно-белый тут же оправдал свое прозвище, первым бросившись на врага. Тот в последний миг подпрыгнул, и зайцы схлестнулись грудь в грудь, сцепились и волчком закружились

в жестоком танце. Над площадкой поднялись клоки шерсти. Толпа орала как бешеная, подбадривая любимцев. Зайцы безмолвствовали, остервенело вгрызаясь друг другу в морды. На заборчик брызнуло первой кровью, еще больше опьяняя зрителей.

Рыска поняла, что это зрелище ей совершенно не нравится, но деваться было некуда. Разве что вперед, к зайцам. Девушка обернулась, ища поддержки у друга, но тот азартно вопил и улюлюкал, выбрав в победители черно-белого. Альк смотрел спокойно: руки сложены на груди, губы загадочно искривлены — не то улыбка, не то просто оценивает шансы обоих. Прямо-таки Саший, любующийся, как дерутся стравленные им соседи.

Пришлось глядеть дальше.

Скоре стало ясно, что черно-белый берет верх. На воле рыжий сдался бы и пустился наутек, но тут ему деваться было некуда, и биться пришлось уже не за первенство — за жизнь. Разнимающий поднял ведро с водой, но пока медлил — бывало, что совсем сложивший уши заяц неожиданно воспринимал и задавал врагу взбучку похлеще полученной.

Рыска стиснула кулаки. Это не бой, а бойня какая-то! А тут еще хозяйка Шошки, худая противная тетка с горячечно блестящими глазами, перегнулась через край ограды и визжит:

— Давай добивай его, малыш!

Ладони зашипало. Рыска помнила, что сказал Альк — дар тут бессилён, — но почему бы не помечтать? Вот сейчас рыжий ка-а-ак вырвется, ка-а-ак даст врагу затрещину, чтобы кубарем покатился, а потом подпрыгнет — и противную тетку за нос...

Девушка чуть откинулась назад, вжавшись спиной в чью-то грудь. Ну давай же, рыженький...

И тут сквозь Рыску словно поток тепла хлынул, сверху вниз, наискосок и вперед. Боевище раздвоилось. Рыжий заяц лежал окровавленной тряпкой — и одновременно кругами гонял противника вдоль заборчика, и эта картинка все крепла, оттягивала в себя краски, становясь единственной...

А потом что-то так садануло Рыску по затылку, что в глазах у нее потемнело. Девушка качнулась вперед, судорожно вцепилась в край заборчика, но это только навредило — от следующего тычка она не просто свалилась в загон, а с переворотом на спину.

— Ай!!

— И-и-и, девку зайцы рву-у-ут!!! — тут же заголосила какая-то баба с богатым воображением.

— Человек упал!

— Разнима-а-ай!

На Рыскино счастье, перепуганные зайцы тут же расцепились и, отчаянно работая лапами, выкарабкались из-под рухнувшего на них тела. Хозяева изловили их за шкирняки и, поддерживая под зады, вытянули из загородки.

— Эй, девка! — Над расprostертой, оцепеневшей, как лягушка, Рыской веночком нависли встревоженные лица. — Ты цела?!

Девушка как раз пыталась это понять. Наверное, все-таки да, хотя копчиком приложилась знатно, и голова гудит.

— Давай вставай! — К Рыске потянулось сразу несколько рук, кто-то вообще перелез через забор, ухватил ее под мышки и рывком поставил на ноги.

Девушка, морщась, потеряла затылок — и обнаружила, что большинство людей смотрит не на нее, а куда-то по ту сторону ограды, где идет не учтенная в ставках драка. Жар и Альк сцепились не хуже зайцев, только что зубы в ход не пускали. Судя по тому, что сверху был вор, он ударил первым и без предупреждения. Торжеству Жара вряд ли суждено было длиться долго, но тут разнимающий привычным широким взмахом выплеснул на драчунов не использованную на зайцев воду и грубо заорал:

— А ну живо утихли, придурки! Щас стражу позову!

«Стража» подействовала на Жара лучше воды. Каковой, кстати, на вора пришлась большая часть, зато Альку залило глаза, и ошарашенных противников живо растащили в стороны.

— Щас ты у меня лекаря звать будешь, — пообещал саврянин, раздраженно стряхивая держащие его руки. Над бровью у Алька успела набухнуть шишка, но ладонью он прижимал почему-то нос. — Пустите, идиоты! Не буду я больше об это дерьмо мараться.

Сидящее в луже «дерьмо» попыталось пнуть его ногой, но не достало.

— А что случилось-то? — недоуменно пробормотала Рыска.

— Она еще спрашивает! — возмутился Альк, поворачиваясь к ней и убирая руку от носа. Ничего такого страшного девушка на нем не заметила, весь на месте.

— Он еще возмущается! — Не помогай Жар подруге выбраться из загородки, драка закипела бы по новой.

— Чего, не на того поставили? — сочувственно уточнил забулдыга. — Бывает! Мне тоже раз моя баба насоветовала... С тех пор ее, змеюку, даже близко к боевицу не подпускаю.

— А ну заткни пасть! — одновременно вызверились на него Альк с Жаром.

— Вон отсюда, все трое! — лопнуло терпение у разнимающего.— Не умеете проигрывать, так не играйте!

— Да мы вовсе...— Жар осекся, поняв, что спорить бесполезно. Подхватив Рыску под локоть, парень стал пропихиваться к выходу с площади — благо толпа немного расступилась, пришла в движение: отсмотрев первый бой, люди принялись меняться местами у загончиков.

— Так что произошло-то? — жалобно повторила Рыска, когда им удалось выбраться на широкую пустынную улицу.

— Он тебя ударил.— Жар метнул на Алька ненавидящий взгляд. Бредущий по другой стороне улицы саврянин ответил ему тем же.— Ни с того ни с сего.

— Ни с того?! — аж споткнулся Альк.— Да она меня зажгла!

— Чего-о-о? — Вор поглядел на него, как на сумасшедшего.— Не дымишься вроде.

— «Свечу» зажгла.— Саврянин был так зол, что еще чуть-чуть — и точно дым из ушей повалит.— Эта коза безмозглая потянула из меня дар!

— А тебе жалко? — по инерции огрызнулся вор. Ну дела!

— Нет, что вы, пользуйтесь на здоровье! — издевательски предложил Альк, почти срываясь на крик.— Ерунда какая — будто раскаленную спицу с размаху в нос вбила! Еще чуть-чуть — и кровь хлынула бы!

— Ой...— Рыска так растерялась и виновато ссутулилась, что даже Жар перестал костерить саврянина.

— Зачем ты это сделала, дура? — допытывался Альк, перехватив инициативу.— Ты же даже не ставила!

— Он такой хорошенький бы-ы-ыл,— всхлипнула девушка, чувствуя себя хуже некуда. Выходит, вся эта заваруха из-за нее?! Оба спутника мокрые, злые, побитые, с боевища их выгна-ли, как теперь купца искать — непонятно...

— Кто?!

— За-а-айчик... ры-ы-ыженький... мне его жалко стало...

— А меня не жалко?!

— Тебя то-о-оже... Я не зна-а-ала... Я неча-а-аянно!

— Так ему и надо,— вмешался Жар, не давая Альку окончательно заклевать подругу. И, повернувшись к саврянину, жестоко добавил: — Ты же крыса. Тебя для этого и создали.

— Для *этого*? Чтобы тупоумные весчанки зайцам подсужи-вали?

— А ты большего и не заслуживаешь! Бить-то зачем было? Девушку?!

— Ты ее вообще к зайцам кинул,— злорадно напомнил Альк.

— Я-а-а?!

— Ну да, это ведь ты ее в спину пихнул, когда драться полез.

Жар смутился — он был уверен, что Рыскино падение тоже на совести саврянина.

— Так я ж нечаянно!

— Вон одна уже воет. Нечаянно.

— Я не во-о-ою-у-у...

Альк напоказ заткнул уши и ускорил шаг.

— Да плюнь ты на него,— попытался ободрить Рыску Жар.— Пусть не прибежится. Если б он у путника остался, ему б каждый день так доставалось.

Девушку это не утешило. Хороша спасительница — от одного мучителя избавила, чтобы самой измываться! Только пореже.

Саврянин неожиданно замедлил шаг и сместился к середине мостовой. Опустил руки, походка стала мягкой, крадущейся. На улице как будто резко похолодало и потемнело, заставив Рыску теснее прижаться к Жару. Крысы осенними листьями разбежались в стороны, уступая им дорогу. Только — шур-шур-шур...

Дом Матюхи по-прежнему казался нежилым — ни огонька в окошке, ни дымка над трубой.

А самое поганое: на крыльце сидел «старый знакомый», положив на колени путничий меч в ножнах.

ГЛАВА 4

Крысиная схватка свирепа и беспощадна.

Там же

— Ну как, нашли купца? — сочувственно, с живым интересом спросил путник.

— Нет,— наивно призналась Рыска. Альк коротко на нее зыркнул, и девушка в который раз ощутила себя дурочкой.

— Чего тебе здесь надо? — в свою очередь обратился саврянин к «знакомцу».

Между ними, вдоль нижней ступеньки, пробежала здоровенная крыса. Альк ее словно не заметил, путник же с интересом проследил за тварью до виноградной лозы на углу дома. Крысе

его внимание очень не понравилось, и остаток пути она отмахала длинными скачками, с разбегу нырнув в листовую шаль.

— Да так, понадеялся, что вы сюда тоже придете, — с сожалением оторвался от зверька путник. — Хотя вообще-то очень неосмотрительно, Альк. Тут ведь могла быть засада.

— Могла?

Путник демонстративно отложил меч на крыльцо, рядом с собой.

— Я же сказал: мне нужно с тобой поговорить. Пойдем где-нибудь сядем, возьмем пивка...

— Проваливай отсюда.

Путник вздохнул, покачал головой:

— Альк, ты ведешь себя как обиженный мальчишка. Где твоя дипломатическая выдержка, посольская расчетливость? Даже с заведомым врагом следует общаться вежливо — хотя бы в надежде выведать его планы.

— С врагом. Не с предателем.

Путник коротко хохотнул:

— Божиня, что за глупости! А если бы тебя отец ремнем выдрал? Тоже — предательство?

У Алька только жилка сбоку шеи дрогнула.

— Проваливай.

Рыска неожиданно поняла, кого они ей напоминают: двух котов, столкнувшихся в огороде. Оба замерли, вздыбились, глаза выкатили и воют друг на друга. Может, сейчас подерутся, а может, до утра так простоят.

— Давай ты меня хотя бы выслушаешь, а? — мягко предложил путник. — А потом спокойно подумаешь и решишь.

— Я не желаю иметь с тобой никаких дел, даже если речь пойдет о моей жизни, — неумолимо отчеканил Альк.

— А если о... — путник покрутил кистью, подбирая слово, — виде? Или тебе уже и так хорошо? Приспособился?

— Вполне, — и бровью не повел саврянин. Как будто не он недавно за нос держался и Рыску костерил!

— Я же о тебе забочусь, дурак, — сменил тон путник, и стало ясно, что с Альком их связывает нечто большее, чем простое знакомство. Родство? Старая дружба? — Мне-то как раз проще выполнить задание общины и умыть руки.

— Спасибо, ты обо мне уже позаботился, — язвительно напомнил Альк.

— Я голосовал против.

— Ты должен был мне сказать!

— Нет,— уверенно возразил путник.— И ты бы тоже не ска- зал.

— Я бы не лгал!

— Альк...

— Вон!

Где-то на крыше завывли коты, настоящие.

— Вот послал Саший наказание...— пробормотал путник, по- нурившись.— Действительно убить его, что ли?

— Не надо! — вырвалось у Рыски.

— Ага,— поддержал ее Жар.— Дайте хоть купца дождаться, он нам сто златов должен.

Путник оглянулся назад и вверх, на темные окошки:

— Сдается мне, что не дождетесь.

— Почему? — насторожился вор. Прирезал он Матюху, что ли? Или просто велел не путаться под ногами, пока видуны бу- дут выяснять отношения?

— Вот уж чего не знаю — того не знаю,— развел руками пут- ник.— Просто предчувствие. Да вон у подружки своей спроси — ей, поди, тоже не хочется напрасно здесь стоять.

Рыске действительно не хотелось, но из-за дурного соседст- ва, а не предчувствия. После знакомства с макопольским путе- ником она опасалась их не меньше, чем Жар — стражи. Хотя этот вроде ничего, человек как человек. Лицо усталое, голос довери- тельный.

— Говорю же, пойдемте в кормильню,— продолжал соблаз- нять он.— Есть тут поблизости хорошее местечко, поросятину по настоящему чуринскому рецепту готовят, в лимонной кара- мели. Я угощаю.

Вор сглотнул слюну, но Рыска продолжала глядеть исподло- бья, наполовину прячась за Жара. Пытается подольститься к саврянину через его спутников? Это он зря, Альк же сказал, что они ему не друзья...

— Не разговаривайте с ним,— тем не менее достаточно рев- ниво одернул белокопый.— Этот тип ничего не делает и не дает просто так.

— А сам-то?! — праведно возмутился путник.

Но у Алька сегодня и без того выдался тяжелый вечер, и красноречие саврянин предпочел оставить клинку, вытянув его из-за пояса.

— Так ведь убью тебя, козла упрямого,— тоскливо сказал путник, тоже протягивая руку за мечом.— Куда «свече» с путе- ником сражаться, я ж твой дар против тебя же обращаю...

— Ты меня уже убил.

— Ох ты, горюшко... — Путник поднялся, морщась и потирая спину. — Прострел уже из-за него заработал, на камнях сидя, теперь еще скакать старика заставляет... А чего вы мокрые-то такие? — с легким изумлением спросил он, спустившись по ступенькам и только сейчас заметив плачевное состояние одежды Алька и Жара. — Дождя же вроде не было.

— Вспотели, — не удержался, съязвил вор.

Путник поглядел на них с удвоенным интересом:

— Чем же для этого надо было заниматься, да еще на пару?

Альк взмахнул мечом. Путник отбил, с отнюдь не старческой ловкостью отпрыгнув в сторону, к середине улицы, где больше простору. Саврянин последовал за ним, снова вызывая клинок на клинок, но до по-настоящему серьезного боя дело не дошло: окно над головами поединщиков распахнулось, и оттуда выглянула уже знакомая тетка-соседка.

— Вы чего это удумали, а?! — визгливо заорала она. — Ночь на дворе, добрые люди только-только заснули, а они тут ржавьем бренчат, улицу кровийшей загаживают! Идите вон на площадь и там махайтесь, если невтерпеж!

— А ну закрой ставни, покуда сама цела! — рыкнул на нее Альк.

Тетка наклонилась, показав широкую, обтянутую ночной рубашкой попу, чем-то там побренчала и снова высунулась из окна — сразу с двумя ночными горшками в руках.

— Ну?! — грозно спросила она.

Друзья и враги дружно шарахнулись от окна.

— Вот бешеная баба, — выругался Жар. — Слышь, тетка, ты вон в тех двоих целься! Мы с подружкой тут ни при чем!

— Ниче, — воинственно отозвалась та, — до всех добрызнет!

Пришлось отбежать еще дальше, в переулок, где даже ножом толком не размахнуться.

— Кто там, солнышко? — сонно поинтересовался мужской голос за теткой спиной.

— А, оборванцы какие-то, — громко, чтоб и в переулке услышали, ответила соседка. — Весь день у Матюхиной лавки околачивались, небось грабануть хотели, да я их спугнула!

— Ничего себе заявленьце! — оскорбился Жар. — Да если б я вправду к купцу залезть хотел, шиш бы ты чего заметила!

— Оборванцы?! — пробормотал и путник, оглядывая свой дорогой костюм.

Торжествующая тетка со стуком поставила горшки на подоконник, в упреждение новых шумов, и вернулась в постель.

Альк перевел взгляд на путника.

— А может, все-таки в кормильню? — тоскливо спросил тот. Теперь, когда видуны стояли бок о бок, было видно, что белокопый выше на полголовы, зато путник кряжистей, матерей.

Саврянин неумолимо сдвинул брови.

— Или до утра хотя бы подождете? — с надеждой предложила Рыска.

В конце переулка послышались торопливые шаги. Альк резко обернулся, однако это оказался всего лишь худосочный паренек лет пятнадцати, в штанах и башмаках, но почему-то без рубашки.

— Ой, дяденька, миленький, не надо!!! — заблажил он, прижимаясь спиной к стене и загораживаясь руками. — Честное слово, у меня ни медечки нет, даже рубаху проиграл!

Альк недоуменно поглядел на трясущегося паренька, потом на меч, который продолжал сжимать в руке, направив парню в пах, все понял и досадливо махнул клинком вдоль улицы.

— Иди, дурак, куда шел. Мы не рабители.

Паренек замешкался, не сразу поверив, что саврянин не шутит, потом по-крабьи, боком, выскочил из переулка, бормоча всякую ерунду вроде «дай вам Божиня здоровья, люди добрые!» и «хвала Хольге, попустила!».

Альк и путник снова устали друг на друга.

— Давай и впрямь до утра отложим, — ухватился за Рыскину подсказку путник. — Высохнешь, успокоишься...

— Не надейся, — презрительно бросил саврянин. — Я не изменю своего мнения.

— Ой, гляди! — отчаянно потеревила его рукав девушка — единственная, кто проследила за пареньком. А тот, между прочим, поднялся на крыльцо Матюхиного дома и теперь ковырялся ключом в замочной скважине!

— Эй, ты, стой!!! — Вся компания кучей, чуть не сбивая друг друга с ног, вывалилась из переулка.

Завидев такое внимание, парень принялся вдвое усерднее гремять замком, но только выронил ключ и понял, что теперь точно не успеет укрыться за спасительными стенами. Когда «неразбойники» полукольцом обступили жертву, она закатила глаза и начала тихо сползать по двери.

— Ты чего, тут живешь? — с азартом загнавшего дичь охотника уточнил Жар.

— Я-а-а...

— Что-то мелковат он для купца,— недоверчиво сказала Рыска.

— Я-а-а-а...

Альк сердито, чуть не отчекрывив себе причинное место, сунул меч за пояс, в ножны-носок. Спихватившись, оглянулся, но путника уже и след простыл.

Паренек сглотнул, слегка прояснился взглядом и затараторил:

— Это дядьки моего лавка, я ему там помогаю, хотел вот рубаху рабочую взять, а то мама скандал подымет, если голышом домой заявлюсь... Я кричать буду!!!

— Кричи,— равнодушно позволил Альк, кивая на стоящие на подоконнике горшки. Парню, видать, они тоже были знакомы, потому что он сразу захлопнул рот и сник.

— А где сам дядька? — продолжил допытываться Жар.

Рыска услужливо наклонилась, подобрала и подала пареньку ключ. Тот вцепился в него, как сова в мышку.

— Он нам денег должен,— доверительно пояснила девушка.— По расписке.

— А-а-а... — Парень чуток оттаял.— Ну так отдаст, он честный, не бойтесь!

— Прекрасно, но где он?! — уже с раздражением повторил вор.

— Не знаю,— растерянно признался купцов помощник.— Он вчера говорил, что, наверное, с утра навстречу обозу выедет — так ему невтерпеж на купленных зайцев поглядеть. А у меня сегодня выходной, я днем к лавке и не подходил!

— Слышь, паря, а может, ты сам нам деньги отдашь? — оживился Жар.— А то надоело уже за твоим дядей бегать!

Рыска полезла за пазуху за распиской, но парень испуганно и виновато потряс головой:

— Он казну на ночь прячет, я даже не знаю где.

— Вот зараза... — Вор поскреб макушку. Волосы почти высохли, частью слиплись, а частью завихрились.— Когда этот ваш обоз должен был прийти?

— Да как обычно — к обеду. Ну, может, к вечеру, если ось сломается или дорогу развезло...

— Дождя вроде не было... — задумчиво повторил Альк слова путника.— По какой дороге идет обоз?

— Которая через Курий пупок и по Нилькиному мосту.

— С какой стороны города, балда? Я что, все ваши пупки-мосты должен знать?

— Через южные ворота, первые три лучины прямо,— послушно поправился парнишка.

— Ага.— Альк побарабанил пальцами по стене, глядя на крысиную нору у ее основания, потом вскинул голову: — Ну, поехали навстречу.

— Ночью?! — растерялась Рыска.

— А чем еще заняться? Видала, сколько народу на праздник съехалось? Все ночлежные места небось еще за неделю выкупили. Или опять под стенку хочешь?

— Не-а-а,— поежилась девушка. На остывших камнях, крысы опять же... В лесу хоть костерок развести можно и ельничка наломать.

Спутники сошли с крыльца, но теперь парнишка сам их догнал.

— Дяденька, возьмите меня с собой! Что-то я за дядю тревожусь, ему и вправду давно бы дома быть пора!

— Иди домой, заяц щипаный,— цыкнул на него Альк. Не хватало еще одного бестолкового труса себе на шею вешать!

— Мама, наверное, волнуется, у окна сидит,— укоризненно добавила Рыска.

— А,— уныло махнул рукой парень,— она привычная. Я на заячьих боях обычно до самого утра пропадаю, ну или покуда не проиграюсь.

— Достойный племянник своего дяди,— фыркнул вор. Он-то как раз взял бы купчишку, пусть бы дорогу указывал, но тогда придется сажать его на свою корову, а Жару на одного себя еле-еле верховой сноровки хватало.

Парень разочарованно вернулся к лавке, а любители ночных прогулок отправились забирать коров. У коровязи их не сильно убавилось: заячьи бои были в самом разгаре, и ловкие ребята, снявшие кусок улицы под коровью стоянку, за сутки выручили больше, чем если бы год эту скотину разводили.

Рыска рассчиталась с льстивым коровнюхом, надеявшимся выцыганить пару монет на пиво. Девушка его намеков, увы, не поняла — в веске оговоренная плата считалась окончательной, брать сверх нее было даже стыдно, и Рыска не стала «смуцать» мужичка.

— А как ваших коровушек кличут? — попытался он подлизаться тогда к Жару, угадав в нем более понятливого.

— Бо...— Вор осекся.— Бочка, Стрелка и Милка.

— Ну-у-у,— разочарованно протянул мужичок.— Я б таким красавицам позвучней имена придумал!

Жар насупился и выхватил у него поводья Болезни. К Альку коровнюх даже подходить побоялся, только убедился, что саврянин отвязывает свою корову, а не какую-нибудь получше.

* * *

В поле за городскими воротами горело несколько десятков костров, паслись стреноженные коровы и стояли телеги. Охраняли их по большей части подростки и женщины. Они, может, тоже не отказались бы поглазеть на бои, но ведь добро разворуют, а городской постой дорог!

— Вон и наши цыгане! — обрадовалась Рыска. Не заметить табор было сложно — он расположился вокруг самого высокого и яркого костра, старая цыганка била в бубен, три молодки извивались в зазывном танце.

— Не-э-эт! — Жар горько пожалел, что днем не вышвырнул покражу в канаву и не солгал Рыске, что отдал.— Давай на обратном пути, а? Никуда они отсюда не денутся, тем более у них бубен есть.

— А может, им и гитара нужна?!

Вор вслушался:

— По мне, бубна вполне хватает.

— Жар!!! Давай езжай, мы с Альком тебя здесь на дороге пождем.

— Еще чего.— Теперь заупрямился саврянин. Мокрая рубашка и холодный ночной ветер не располагали к стоянию в чистом поле, а до табора было не так-то близко.— Не умрут они до утра без этой несчастной гитары. Или пусть ворюга догоняет.

— А мы до утра проездим? — испугалась Рыска.

— Купчишка говорил, до развилки три лучины обозного ходу. Ну мы впотьмах тоже скакать не будем, столько и выйдет,— прикинул Альк.— Сдается мне, этого хватит. А назад уже засветло, наверно.

— Но цыгане могут...

— Дай-ка мне эту проклятую гитару,— таким тихим страшным голосом сказал саврянин, что Жар понял: сейчас предмет спора скоропостижно испортится, и хорошо если о дерево, а не о чью-то голову.

Вор сделал вид, что не расслышал, и поспешно сдвинулся к обочине, чтобы белокопый не смог дотянуться до его трофея.

Рыска обиженно сморщилась, но бросить последний камешек в чашу Алькова терпения не посмела.

В Зайцеград спутники приехали с другой стороны, и нынешняя дорога была им незнакома. Широкая, ровная, она вела в столицу, и власти о ней заботились: подсыпали, когда размывало, вовремя чинили мосты и разбирали завалы после буреломов.

— Хорошая ночь, светлая, — одобрительно заметил Жар.

Лунный свет серебрил высокую траву, как воду. В ней трескуче перекрикивались перепела, заглушая немногочисленных еще кузнечиков. Дорога просматривалась до самого горизонта, на котором лежала лохматая шкура леса.

Альк, напротив, неприязненно косился то на безоблачное небо, то на оставленный город.

— Не люблю полулуние, — неожиданно признался он. — В такие ночи община проводит обряд посвящения в путники... или в крысы. В Пристани никто не спит, даже младшие ученики сидят на кроватях и гадают, на кого падет какой выбор.

— А луна растущей должна быть или убывающей? — подозрительно уточнил Жар. Выходит, Альк им наврал или сам запутался и прошло уже два месяца?

— Без разницы. Главное, яркая и открытая. *Тогда* росла... У нас считалось, что она более счастливая. — Белокосый горько хмыкнул.

Вор немного успокоился. Полтора месяца, значит. Хотя кой-кому, по словам саврянина, и одного до полного окрысячивания хватало...

— А как путники это делают? — робко спросила Рыска, опасаясь, что Альк снова нахамит в ответ.

Но поглощенный воспоминаниями саврянин негромко отозвался:

— Все наставники собираются в особом зале — есть такой в каждой Пристани, на верхнем этаже, с глухими стенами и слюдяным окном в крыше, — и по очереди вызывают испытуемых.

— А отказаться можно?

— Некоторые отказываются... но очень редко. Никто ж до последнего не знает, что ему присудили. Впрочем, мой наставник оценивал новых учеников всего за несколько занятий, делился со мной по секрету: эх, вон из того и того путников не выйдет, сразу ясно... и почти никогда не ошибался.

— А о тебе он что говорил?

После долгого молчания Альк с трудом расцепил зубы, уже начавшие похрустывать.